

Чарльз Тилли

СОЗДАНИЕ РОССИИ

Та часть Европы, которую до конца 1991 г. занимал Советский Союз, примерно совпадает с европейской частью Российской империи, какой она была к моменту окончания наполеоновских войн. Серьезно передвинуть ее пограничную линию смогли только Крымская война, гражданская война 1917–1921 гг. и немецкое вторжение 1941–1944 гг. Между тем, если возвратиться в 1492 г., мы не найдем здесь России. Вместо нее приблизительно на той же самой территории мы обнаружим тевтонских рыцарей, Псковскую республику, княжество Московское, княжество Рязанское, ханство Золотой орды, Крымское ханство, Казанское ханство, Польское королевство, а также область с размытыми очертаниями, лежащую к востоку от Черного моря, которую упорно не желали никому отдавать черкесы.

В то время крупной имперской державой на данной территории была королевская династия Ягеллонов, владевшая Литвой, Белоруссией, Украиной, Польшей, Богемией, Моравией, Венгрией, но не Московией. В правление двух Иванов (Ивана Великого и Ивана Грозного) действительно начало формироваться могущественное Российское государство. Но во временном промежутке между 1492 г. и XVIII в. в то пространство, о котором впоследствии стали думать как о России, вторгалась не только агрессивная Польско-литовская империя, но и довольно сильная шведская монархия и могущественная Османская империя. В период, предшествовавший произошедшему в 1790-х гг. окончательному разделу Польши, картография территории будущей «России» должна была бы иметь дело не только с составленной из разнородных частей Российской империей, но и с Османской империей и княжеством Польским. Здесь гораздо сильнее, чем во Франции, на Британских островах, в Нидерландах, на Балканах или в Иберии, проявилась тенденция превращения изначально маленького государства путем поглощения соседей в этакого гиганта.

Следует отметить, как опасно поддаваться искусу построения некоей телеологической схемы: будет сильным упрощением изобразить трансформации, претерпеваемые данным европейским регионом, в виде постоянного и неизбежного расширения России, заполняющей собой имеющиеся пустоты. Это упрощенная и искаженная картина. Ввиду того, что действующие лица, занимавшие в тот период западную оконечность указанного пространства

находились в экономически и геополитически выгодном положении, осведомленные наблюдатели с полным правом могли бы ожидать, что если бы европейская экономика процветала, а прилегающие к данной территории государства сплотились, одна-две державы (несомненно, это были бы Польша, Швеция или Габсбурги) смогли бы расшириться в восточном и южном направлениях. Это ожидание могли бы перечеркнуть степные империи, экспансия которых шла в западном направлении. Разве не могла накатить с востока еще одна монгольская или тюркская волна? Кроме того, такой завязтый захватчик, как Османская империя постоянно совершала попытки расширить свои евразийские владения. Даже в XIX в. Россия продолжала воевать с османами за территории, притязания на которые она выдвинула раньше. У России были грозные конкуренты в борьбе за земли, на которые ей довелось предъявлять свои права.

Серьезно внедряться в Сибирь и другие земли, отделяющие ее от Японии, московиты начали только в конце правления Ивана IV (1533–1584). Несмотря на то, что в результате различных войн границы России постоянно передвигались, Литва (объединившаяся с Польшей в 1569 г.) и Швеция продолжали владеть значительными частями Украины, Белоруссии и Прибалтики до тех пор, пока польские патриоты не установили с Российской империей достаточно устойчивую северо-западную границу. Не было никаких гарантий, что пространство от Финляндии до Тихого океана будет занято единой державой. Не было никаких гарантий, что московиты, представлявшие собой в 1492 г. второразрядную державу, станут основными агентами экспансии на восток и на юг. Помимо варианта Российской империи, разросшейся вокруг московитского ядра, на пространстве от Вислы до Урала, еще в большей степени, чем в случае с Британскими островами или Иберией, имелось несколько других путей перегруппировки земель в государства.

Но произошло то, что произошло. Начиная с Ивана Великого и кончая Иваном Грозным, правители России основное внимание уделяли обеспечению отпора монголам и покорению других славян. Россия отличалась беспощадными царями, умевшими подолгу удерживать за собой трон. Иван III (Великий) правил с 1462 по 1505 гг.; в те времена, отмеченные в Европе низкой продолжительностью жизни, обилием несовершеннолетних царствующих особ и частыми схватками за престол, царь, продержавшийся сорок три года, обладал огромными преимуществами перед соперниками. Более того, преемники Ивана Великого, Василий III и Иван IV (Грозный), правили первый двадцать восемь, а второй — тридцать семь лет. (Доказательством того, как важно быть долгожителем, явилась ожесточенная фракционная схватка бояр в период с 1533–1547 гг., пока Иван IV не достиг совершеннолетия, а также когда его приемником в 1584 г. стал его беспомощный сын Федор и позже, во время многочисленных эпизодов междоусобицы. Иван III сдерживал монголов, покорил большое торговое Новгородское княжество и установил верховенство Московии над всеми прилегающими к ней княжествами. Во второй половине века была сформирована настоящая Российская империя. К тому времени она уже теснила соседей — ливонских рыца-

рей, Польско-литовскую империю и Крымское ханство. И в последующие два с половиной века российская экспансия шла почти безостановочно.

История агрессивной имперской экспансии непосредственно влияла на революционный процесс. Соседние с Россией державы далеко не приветствовали ее экспансии; они сражались до последнего. Когда это сопротивление переросло в революцию? Например, если москвиты и их преемники — россияне с 1520 по 1750 гг. неоднократно пытались покорить крымских татар, то в какой момент успешное сопротивление татар господству русских создало революционную ситуацию? Ответ следующий: тогда, когда империи удалось установить на время успешное управление татарами. Но как измерить успешность правления? Принимая во внимание тот факт, что у себя на периферии Российская империя устанавливала не прямое, диктуемое обстоятельствами правление, точный момент наступления революционной ситуации должен быть отмечен нами произвольно.

Данный вывод, согласно которому решение о революционном характере сопротивления империи является вопросом выбора дефиниции, возможно, лишает революцию ее ореола или ее ужасов. Но в нем отражено главное, что пытается донести до читателя эта работа: характер, место и исход революционных ситуаций сильно варьируют в зависимости от типа организации государства и системы государств. В ситуации беспощадной имперской экспансии следует ожидать многочисленных случаев, когда соседи заранее слагают оружие перед имперскими властями только для того чтобы восстать против них, как только империя окажется в уязвимом положении, когда агенты империи или ее подручные выдвинут новые непомерные требования или когда пребывающий в порабощении народ получит новые орудия борьбы, или обретет новых союзников. Такие мятежи с неизбежностью объединяют в себе черты революции с чертами антиколониальной войны.

Те многочисленные образования, которые в 1492 г. населяли пространство будущей Российской империи, представляли собой осколки иных империй, фрагменты, оставляемые скандинавами (викингами в период «варяжского» междоусобия) от своих завоеваний на пространстве от Балтийского до Черного морей, и монголами, нахлынувшими с юго-востока. Различные монгольские объединения занимали большую часть этих земель начиная с 1230-х гг. вплоть до XV в., когда Ивану Великому удалось сбросить их иго. Монгольские завоевания были наиболее эффективны, когда распространялись на устоявшиеся государства, в этом случае они могли регулярно собирать дань с земледельческого населения; монгольские правители либо совершали набеги на эти государства, облагая их данью, либо поглощали их, не принося особых изменений в их внутреннюю организацию. В любом случае, правление монгол оставалось непрямым и имперским, требующим символического подчинения, регулярных выплат дани, эпизодической военной поддержки, утверждения монголами новых правителей-славян, лояльности хану перед лицом врагов монголов и иногда — выдачи представителей знати в виде заложников — и все это в обмен на неограниченную автономию, которой пользовались на своих территориях сотрудничающие с монголами князья.

Ведь добиться победы над своими соперниками в регионе москвитам удалось отчасти и благодаря хитроумному сотрудничеству с агентами Золотой орды. Последний набег татар на Москву, имевший место в 1571 г., не положил конец связям москвитов со степными народами. Даже после того как они избавились от татарского ига, москвиты часто возобновляли сотрудничество с оставшимися татарами, заключив с крымскими татарами в XVI в. союз против литовцев, в XVII в. они рекрутировали джунгарских монголов на освоение Сибири и до 1700 г. продолжали платить дань Крымскому ханству. На протяжении XVI–XVII в. отношения между русскими и татарами напоминали те, которые имели место в то же время между европейцами-колонистами и американскими индейцами; как ни суди, а в середине XVIII в. единственной статьёй колониального бюджета Южной Каролины были «дары», приносимые индейцам. И на американской, и на российской границах шли бои между людьми, не знавшими пощады. В XVI в. Джордж Тебервиль, англичанин-очевидец, сравнил русских с ирландцами:

Дикие ирландцы по-своему так же цивилизованны, как и русские,
Трудно сказать, кто из них лучше, и те и другие кровожадны, грубы
и слепы.

Однако между ними было одно существенное различие. Ирландцы на своем урезанном острове не только противостояли чужой империи, но и непрестанно воевали друг с другом; русские же князья на своих бескрайних просторах сначала оказались в подчинении у одного из них, а затем построили собственную империю.

Русские проигрывают от сравнения с ирландцами и в другом важном отношении. До недавнего времени Ирландия оставалась на периферии главных торговых путей и коммуникаций Европы. А Россия, до тех пор, пока процветали заморские связи Европы с Восточной Азией, оставалась важным звеном в цепи евразийских контактов. Выйдя к морям довольно поздно, русские построили почти все свои города на реках (в первую очередь, Днепре, Волге, Дону, Двине и Волхове), связывавших центральные страны Восточной Европы с их данниками. В 1000 г. главным российским городом и коммерческим центром был Киев, в котором вполне могло проживать 50 тыс. человек; другой торговый центр, Новгород, насчитывал 20 тыс. жителей. Вследствие этого, связи с монголами поставили Москву на ключевые позиции, которых она не утрачивала до специально построенной новой столицы Санкт-Петербурга, создание которого началось в 1703 г. К 1500 г., когда давление монгол ослабло, Москва, Новгород, Вильнюс, Псков, Смоленск, Бахчисарай (последний находился в татарском Крыму) — все эти города вероятно насчитывали по 10 и более тысяч жителей.

Даже там, где они основывали города, такие как Бахчисарай, монгольские воины обычно жили по-военному, в палатках, готовые в любой момент устремиться на встречу новому сражению. Русские же, в отличие от монголов, приняли городскую стратегию завоеваний, размещая — по мере расширения подконтрольной им зоны — войска, имперских наместников, купцов и даже поме-

щиков-землевладельцев в городах. Следствий у такой политики было три. Во-первых, в большинстве городов представители государства находились в привилегированном положении. Во-вторых, многие из тех, кто номинально числился государственным чиновником, кроме того еще и по собственной инициативе занимались сельским хозяйством, работали в промышленности или в сфере услуг. И наконец, с перемещением городов внутрь российских границ менялся профиль основных занятий городского населения. По мере расширения границ Московии царь возводил все новые крепостные укрепления по ее обновлявшимся северо-западному и (особенно) юго-восточному периметрам; каждая из этих цепей, перемещаясь внутрь государства по мере расширения завоеванных областей, превращалась в цепочку взаимосвязанных торгово-административных учреждений. Так, например, большинство новых городов *Белгородской черты* было возведено в 1636–1648 гг., при Михаиле Романове; всего на этой черте появилось двадцать девять фортифицированных поселений, перекрывших основные пути былых монгольских набегов. Вскоре эти города оказались уже вдали от границ.

С 1703 г. Петр Великий перенес центр проживания в Санкт-Петербург, силой заставив купцов, ремесленников, имперских служащих и их прислугу переехать на болотистые берега устья Невы — в места, только-только отвоеванные у шведов. Петр, который и сам инкогнито служил корабельным плотником во время своих кратких посещений Голландии и Англии, задумал Санкт-Петербург по западному образцу — как центр кораблестроения и торговли на Балтике. Да и сам город был назван им не русским, а немецким именем: Санкт-Петербург. К 1782 г. новая столица империи насчитывала 297 тыс. жителей против 213 тысяч, проживавших на тот момент в Москве. Между Москвой и Санкт-Петербургом установилось определенное разделение труда: Санкт-Петербург стал столицей и главными воротами северо-западной Европы, а Москва — крупнейшим центром внутренней торговли. Таким образом, Россия создала огромную эксцентричную иерархию городов, простиравшуюся в глубь Азии, но имевшую своей исходной точкой северо-западные окраины империи.

РУССКОЕ, ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ И ТАТАРСКОЕ ГОСУДАРСТВА

За три века, истекшие с 1500 г., Московия (тогда уже Россия) заслужила звание одного из наиболее воинственных государств или серии государств Европы. Во-первых, Московия покорила свое непосредственное славянское окружение, сбросила с себя татарское иго. Далее, Россия, находясь еще в процессе становления в качестве политического образования, воевала не только с кочевниками на востоке и юго-востоке, но и грозными шведской, польской и Османской империями на севере, западе и юге. С этими державами Россия сражалась не один век, и это сказалось на ее облике. В конечном счете снабжение, финансирование и управление огромной военной организацией возымело на нее даже больший социальный эффект, чем факт

наличия последней как политической силы. Здесь, как и повсюду в Европе (правда, в иной конфигурации), сознательное наращивание военной мощи и непрерывное ведение войны приводило к вытеснению гражданских властных структур, которые мешали развитию военного сектора и организационно трансформировали государство.

Тем не менее на преобразование российских государств оказывала большое влияние и сама геополитика. Закон «противоположной границы» следовал освященному временем принципу «враг моих врагов — мой друг»; несмотря на прочие несовместимости, державы, расположенные по разные стороны от враждебного государства, часто становились союзниками. В начальные столетия имперской экспансии данная игра в альянсы сделала Московию объектом разноплановых воздействий: с одной стороны, татар, с другой — немцев-протестантов, сражавшихся с Москвой против католической Польши.

Так, например, при Иване Великом, в войне 1500–1503 гг. против польско-литовских и ливонских рыцарей, Россия успешно пользовалась поддержкой татар. В самом процессе освобождения российских территорий от власти монгол Иван Великий и его преемники восприняли много имперских приемов, заимствованных у монгольских правителей. Сам Иван перенял чисто монгольский прием непрямого правления: сажал в Новгороде и других городах «князей-наместников», за которыми должность и земли сохранялись лишь до тех пор, пока они оставались на службе у царя. Параллельно он учредил институт *помещичества* — обладания землей и должностями на определенных условиях: земельные угодья, чины, власть и привилегии сохранялись за помещиками пожизненно — и то при условии их примерного служения интересам империи.

В должностные обязанности князей и помещиков входило снабжение войск всем необходимым. В то время как западноевропейские государства при комплектации собственных армий все более полагались на международный рынок наемников, Иван первый начал рекрутировать в большие армии жителей империи на основе патримониальной системы, что оказало обратное влияние на иерархическую структуру и структуру гражданской службы. Из разрозненных кациков, цитаделей и клиентелл (с наспех набранным войском, коим подобные образования всегда снабжали европейских монархов) возникла иерархически выстроенная, географически упорядоченная система военных округов и управ, находящихся в жестком подчинении у правителя и его наместников.

По мере того как знать оказывалась все в большем подчинении царю, она обретала и все более безграничную власть над собственными крестьянами. Имперская власть внедрилась в прежде самостоятельные крестьянские общины, наложив запрет на свободу передвижения, удовлетворив возрастающие притязания помещиков на увеличение объемов трудовой повинности крестьян и в конечном счете уничтожила различия между свободными крестьянами, крепостными и рабами. Это стирание граней привело к понижению, а не к повышению статуса всех указанных категорий.

Не то чтобы крестьянство безропотно позволило утопить себя в русской грязи. Оно сражалось на всем протяжении истории. Сами крестьяне никогда не создавали в России революционной ситуации общенационального масштаба. Но местные восстания против помещичьего гнета и бесчинств, творимых сборщиками податей, повторялись год за годом. За период с 1730 по 1760 гг. в одних только помещичьих владениях П. К. Алефиренко (Alefirenko, 1958: 136–153) зафиксировано тридцать семь значительных крестьянских восстаний. Объединяясь с казаками и дворянами-оппозиционерами, крестьяне часто пополняли штурмовые отряды национальных повстанцев — точно так же, как пополняли ряды национальной армии. Но положение их усугублялось вплоть до XIX в.: на протяжении трех веков государство то и дело объединялось с помещиками, делая их положение, после каждого восстания, все более приниженным.

Аналогичной была участь православной церкви: со времени установления в 1583 г. московского патриархата она оказалась под контролем царя и обслуживала его политические интересы — правда, при условии сохранения за ней большой свободы действий в собственных внутренних делах. Контроль над знатью, чиновниками и священниками царь осуществлял не только при помощи личного патронажа, но и через плотную сеть канцелярий (*приказов*), главы которых несли прямую ответственность перед правителем. Вся эта система — гражданская, военная, религиозная — страдала, с одной стороны, от казнокрадства, а с другой — от мятежников. Подобно прочим системам непрямого правления, она наделяла неподотчетной властью чиновников, способных чинить произвол на вверенных им территориях. Но это произвело на свет большой, дешевый и относительно централизованный аппарат управления.

Первым в длинной веренице московских князей формальный титул царя принял при коронации Иван IV. Более того, благословение на этот титул он получил от православной церкви, что, как полагали, приравнивало его с императорами Священной римской империи. Иван не отличался скромностью. В 1565 г. он ужесточил структуру государства, приблизил ее к прямому правлению, создав институт *опричнины*: правление было отдано в руки имперских охранников, позиции которых были упрочены благодаря передаче им земель, экспроприированных у крупных независимых землевладельцев, сосланных Иваном в отдаленные имения. Поскольку миссия опричников состояла в выявлении «изменников», они стали орудием террора в отношении всей свободной знати.

Контроль центра осуществлялся по-разному в зависимости от способностей и решительности нынешнего правителя и от бремени внешних войн, а это означало, что власть и независимость дворян претерпевала драматические скачки. На протяжении XVII столетия дворяне не раз обращались с приданным им имуществом как со своей частной собственностью, продавая и завещая его потомству; к 1714 г. царь формально признал *fait accompli*¹,

1 Свершившийся факт — (*фр.*)

уничтожив формальное различие между дворянскими и частными имениями. Кроме того, в конце XVII в. русские правители укомплектовывали свои разрастающиеся войска наемниками. Но вскоре они пожалели о том, что создали угрозу закрытости своей системы; в начале XVIII в. они вернулись к практике массового рекрутирования крестьян и широкой воинской повинности для дворян. Петр Великий установил армию в количестве 370 тыс. человек, Екатерина II — 1 млн, Александр I (1801–1825) — 2 млн. Даже в относительно мирный период 1897 г. русские вооруженные силы насчитывали 1,1 млн человек. Основные принципы правления, заложенные двумя Иванами, пережили даже петровские и екатерининские реформы. Усилия по изычанию средств на войны и захваты новых земель из нетоварной аграрной экономики породили громоздкую патримониальную надстройку.

Петр и Екатерина, помимо того, что они бросались участвовать во всех европейских войнах, сильно продлили империю на юго-восток; то и другое чрезвычайно усилило нужду в средствах и войсках. Соответственно, их инновации главным образом сводились к отладке унаследованной ими управленческой структуры, сокращая численность конкурирующих учреждений, останавливая мобильность служащих совершенствованием иерархий, наделяя государство более обширным аппаратом осуществления внутренних репрессий и прививая западноевропейский стиль. Вероятно, самая большая перемена произошла в сфере финансов: расходы на войну возросли с 6,9 млн рублей в 1725 до 173,8 млн рублей в 1825 г. — прирост на целых 3,3 % в год в среднем — и так целый век (за то же столетие цены на хлеб выросли всего вдвое-втрое, что составило прирост приблизительно в 0,1 %). За этот же период доля государственных доходов с фиксированных налогов (подушный налог и особый налог на земли фригольдеров и копигольдеров) упал с 54 до 32 %, в то время как акцизные сборы возросли с 46 до 48 % при сильном увеличении налогооблагаемой базы; сборы с одних только контролируемых государством продаж водки — что характерно, монопольным правом здесь пользовалась знать — возросли с 10 до 128,4 млн рублей, в среднем составив около 5 % в год.

Кроме того, Петр и Екатерина распространили русский стиль правления на свои новые владения. В XVIII в. империя распространила относительно единообразные структуры на огромные территории. Поскольку в рамках империи внешняя социальная структура продолжала чрезвычайно розниться от региона к региону, это неизбежно делало неоднородным и функционирование империи: одно дело северо-западные регионы, где купцы приносили в казну империи значительный доход и пользовались немалой властью на местах, и совсем другое — юго-восток, где правители-военные управляли

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ПРАВЛЕНИЯ, ЗАЛОЖЕННЫЕ
ДВУМЯ ИВАНАМИ, ПЕРЕЖИЛИ
ДАЖЕ ПЕТРОВСКИЕ И ЕКАТЕ-
РИНИНСКИЕ РЕФОРМЫ

чужими им и некоммерциализированными зонами либо при помощи грубой силы, либо заключая сделки с местными вождями, либо сочетая то и другое.

Совсем иначе функционировало польское государство, балансировавшее на грани самоубийства. Как в России, так и в Польше землевладельцы выращивали зерно в крупных поместьях, что в условиях увеличения численности населения в XVI в. и роста цен создавало для них хорошую перспективу в плане получения прибыли. Но у польско-литовских землевладельцев был более свободный доступ на западноевропейские рынки через такие порты, как Гданьск. Они создали экономику, основанную на манорах, что со временем подорвало позицию некогда процветавших городов как независимых политических акторов и центров внутренней торговли. Они исключили из торговли зерном крестьян и польских купцов, напрямую имея дело с иностранными купцами. Они процветали на доходы, получаемые из-за рубежа, импортировали западные товары и относились к государству как к своей игрушке.

Этой привилегированной десятой части населения и обеспечивала представительство сформировавшаяся в Польше «республика шляхты», что давало этой части как средства для усиления собственного контроля над крестьянством, так и (начиная с 1572 г.) превращения монархии в инструмент шляхты. По мере развития сложившегося положения крепостничество становилось все безжалостней и масштабней. Между тем частные армии шляхтичей, дешево укомплектованные их собственными людьми, по численности намного превосходили вооруженные силы королевства. Хотя повторявшийся в польской политике тройной раскол на короля, магнатов, мелких аристократов с конца XVI в. нередко давал возможность королю объединяться с мелкой аристократией, раскол подрывал все попытки короля создать надежную, централизованную фискальную и военную системы.

К тому же реагируя на опасность, исходящую от татар, казаков и всадников-османов, польские армии продолжали придавать значение кавалерии долгое время после того, как русская и западноевропейская армии в массовом порядке перешли на пехоту и артиллерию; это устройство армии давало простор для автономии и финансовой самодостаточности отдельного воина и его сопровождающих, но создавало трудности королю в плане приобретения замены для него. Кончилось тем, что наличие слабого, постоянно раскачиваемого престола при отсутствии настоящей национальной армии сделало Польшу зрелым плодом, готовым упасть к ногам внушительных вооруженных сил соседей — шведов, русских, австрийцев, пруссаков. Сначала польско-литовское государство было урезано, а в течение XVIII в. оно шаг за шагом прекратило свое существование в качестве самостоятельного государства.

В XVI в. зерно русских помещиков не имело выхода на западноевропейские рынки. Арктический порт Архангельска, основанный в 1584 г., находился под контролем английских купцов, и в любом случае через него экспортировались меха и лес с севера, а не зерно с южных равнин. Вместо этого помещики доставляли свою продукцию в города самой России, туда, где так сильны были цари. Грубо вторгаясь на рынки и в землевладение, русские властители захватывали на собственные нужды и на ведение войны

излишки зерна, возникавшие благодаря приросту населения и повышению цен. К моменту сокращения в XVII в. деловой активности и вхождения в XVIII в. в европейскую торговлю зерном они успели полностью подчинить себе знать, точнее, создали новую аристократию, находившуюся в серьезной зависимости от государственной службы. Часто собирая налоги не деньгами, а зерном, они уменьшили вовлеченность в торговлю землевладельцев и крестьян и в то же время обеспечили продуктами запасами города, армии и чиновничество.

Однако в XIX в. данный процесс был пущен вспять. Начиная с Павла I, (1796–1801) цари стали стремиться создать независимую бюрократию и чиновничество, навсегда освобожденное от патронажа аристократии. Страной все больше начал заправлять грозный класс управленцев недворянского происхождения, из которого только высшие чины могли надеяться на получение дворянства. Процесс шел как по маслу; аристократии, отделенной от государства и не обязанной участвовать в местных органах управления, оставалось только хозяйничать на своих землях и пользоваться личными доходами. Сами того не сознавая, цари разрушили трехвековой опыт эффективной кооптации знати в управление. В результате русские монархи утратили жизненно важную клиентеллу, не взяв под свой контроль власть, которой она обладала, и не погасив ее недовольств.

Совсем иначе были организованы татарские государства, окружавшие Россию на юго-востоке. Их отличала структурная гибкость, сегментация, наличие племенного самосознания и связей типа «патрон-клиент». В определенном смысле для этих государств ничего не имело такого значения, как их собственная грозная кавалерия. Кроме того, в значительной степени их армии представляли собой собрание родственных кланов, связанных патрон-клиентскими отношениями. Монголы (частью которых, а впоследствии — остатками которых были татары) содержали свои мобильные армии, собирая дань с окружающих земледельческих народов, облагая налогами следующих транзитом купцов и оказывая услуги по охране тех из них, кому доводилось путешествовать на дальние расстояния. Крымские татары зарабатывали поимкой и поставкой рабов (зачастую это были славяне) на турецкий и итальянский рынки. Всегда готовые наказать за непослушание, они вместе с тем не учреждали собственных органов управления, полагаясь на правителей из среды покоренных народов, в обязанности последних, помимо прочего, входил и сбор дани. У них было не много центральных правительственных структур, следствием чего была, с одной стороны, большая гибкость, а с другой — опасность сепаратизма и борьбы за престолонаследие. Будучи паразитами, они процветали с активизацией караванных путей и выигрывали от воцарения в соседних с ними государствах стабильности, от развития там производств, а также от покорности соседей. Кончилось это для них тем, что русские оттеснили их на исконные земли и поглотили их остатки благодаря своей превосходящей военной мощи, жесткости централизованного управления, умению заключать союзы по принципу «разделяй и властвуй» и вступать в выгодные сделки с местными царьками.

В 1250-х гг. монгольские захватчики при содействии Александра Невского установили сюзеренитет над Московией. Золотая орда, как называли ее русские, продолжала собирать с них дань на протяжении двух веков. К 1438–1441 гг. орда раскололась на отдельные ханства, центрами которых были Сарай (монгольская столица), Казань, Астрахань и Крым. Последний вскоре попал в подчинение Османской империи. В обстановке экспансии России и междоусобиц в рядах самих монголов правление Ивана Грозного перенесли только крымские татары, сохранившись в качестве обособленного политического образования. В 1783 г. Екатерина Великая, наконец, присоединила и их. С этого момента основные территориальные приобретения империи в Европе делались за счет Польши и Османской империи.

ВОЙНА И МЯТЕЖ, МЯТЕЖ И ВОЙНА

Трансформация государств повсеместно в Европе шла главным образом благодаря войнам и приготовлениям к ним. В случае с российской экспансией эта связь была, как нигде, очевидна. До середины XIX в. основную часть своих доходов российское государство тратило на военные нужды. Оба Ивана, Петр, Екатерина, Александр и те цари, что правили между ними, пользовались военной силой для подавления вооруженных соперников, покорения соседних народов и отпора врагам из Европы и с Ближнего Востока. Например, из ста лет, прошедших с 1492 г., только двадцать девять прошли *без* войны московитов с внешним врагом.

По сравнению с позднейшими военными кампаниями, войны XVI в. едва ли стоили того чтобы их вести. Тем не менее именно они были движущей силой той коренной перестройки, которая происходила начиная с правления Ивана Великого и кончая царствованием Ивана Грозного. Стремясь завоевывать и удерживать завоеванное, русские цари произвели необратимые изменения, создав громоздкую патримониальную верхушку, среднее звено, находящееся во власти непрямого правления, а внизу ширящийся слой крепостных, над которыми стояли поддерживаемые государством помещики. Последующие войны только усиливали эту структуру.

Несмотря на важность сражения Московии со Швецией и Польшей, войны XVI в. в данном регионе мало пересекались с военными столкновениями западнее этих мест; они образовали самостоятельный комплекс с осью, проходящей юго-восточней Варшавы. Хотя средиземноморские державы уже сражались, например, с османами между 1495 и 1560 гг., восточноевропейские государства не принимали участия в основных европейских войнах, главное содержание которых составляло соперничество Испании и Франции за итальянские территории. В это время московиты сражались не только с западными соседями, но и с татарами и казаками, противостоявшими их экспансии на юго-восток, подобно тому как польские войска сражались также с державами, расположенными южнее их: молдаванами, турками и татарами.

Однако позже, в XVII в., и Российская, и Османская империи стали больше участвовать в европейских войнах. В 1680 г. Россия вступила в свой первый

европейский альянс. К 1682 г. она начала выступать вместе с Австрией, Польшей, Венецией и Германией против их давнего врага — осман. Знаменитая вестернизация России, произведенная Петром Великим, включала ускоренное вхождение России в западную дипломатию и западные войны, не говоря уж о матримониальной политике; предшествующие Петру поколения русских царей заключали браки почти исключительно с русскими, польскими или византийскими семьями, начиная же со следующего после Петра поколения цари стали двоюродными братьями и сестрами, а затем и потомками многих монархических семейств Запада, особенно из немецких государств.

Начиная с 1730-х гг. Россия стала регулярной участницей общеевропейских войн, которые благодаря этому приобретали еще более общий характер. Обладая сильно увеличенными численно вестернизированными армиями, Россия была ценным союзником и грозным врагом. Польша, Швеция и Османская империя (но не остатки татар) также были вовлечены в этот процесс, скорее, вынуждены были участвовать против собственной воли в войнах, начатых на Западе. В ходе этого участия Польша исчезла вовсе, а Швеция утратила контроль над населенными славянами землями.

Между войнами и революционными ситуациями существовало определенное взаимоналожение. В период между 1590 и 1734 гг. неоднократные восстания казаков против Польши сильно напоминали сопротивление татар русской экспансии дальше на восток — с той существенной разницей, что при поляках казаки процветали в качестве наемников и агрессоров в отношении татар и турок, но когда поляки пытались ограничить их автономию и подчинить их военные эскапады руководству польской армии, давали отпор. Казаки воплощали собой типичную пограничную проблему из тех, что существовали между польским и русским государствами. Будучи населением неоднородным, составленным из кочевников, беглых крепостных и свободных воинов, казаки умели воевать со страшными турками и татарами и потому были полезны и Польше, и России. Но в местах проживания казаков, где их суверенитет подвергался сомнению или отсутствовал вовсе, наиболее благополучные из них претендовали на право охотиться, рыбачить и владеть землей, не платить внешних налогов, носить оружие и вести собственные войны; в России и Польше подобные притязания означали причисление себя к благородному сословию.

Таблица 1. Международные войны в России и прилегающих регионах, 1492–1992

1491–1502	крымские татары против казанских татар
1492–1494	Московия против Литвы
1495–1496	Московия против Швеции
1497–1499	Польша и Литва против Молдавии, турок и татар
1500–1503	Московия и татары против Польши с Литвой и Ливонского ордена

1506–1507	Московия против казанских татар
1507–1508	Польша с Литвой и татары против Молдавии и Московии
1510	Московия против Пскова
1512–1522	белорусская война
1521–1524	крымские и казанские татары, казаки против Московии
1527–1531	Польша против Молдавии
1532–1533	Священная римская империя против Польши с Литвой и Молдавии
1534–1537	Московия против Польши с Литвой и татар
1547–1552	Московия против Казани
1552–1556	завоевание русскими Казани, Астрахани
1554–1557	Московия против Швеции
1557–1582	Ливонская война
1563–1570	Дания, Польша, Любек против Швеции
1569	Турция против России в Астрахани
1570	Московия против Новгорода
1571–1572	крымские татары против Московии
1578–1584	Московия против сибирских татар
1583–1590	польско-турецкая война
1586–1587	Московия против сибирских татар
1587–1588	австро-польская война
1591–1598	крымские татары против Московии
1600	Польша против Молдавии и Валахии
1600–1614	Польша против Швеции
1605–1606	крымские татары против Московии
1611–1618	Польша против России
1613–1617	Швеция против России
1616–1617	Польша против Турции
1617–1618	Польша против Швеции
1618–1621	польско-турецкая война
1621–1622	Польша против Швеции
1625–1627	Турция, татары против Польши и Венгрии
1625–1629	Польша против Швеции
1631–1634	Турция, татары против Польши и Венгрии
1632–1634	Россия против Польши

1632–1641	крымские татары против России
1637–8	казаки против крымских татар
1638	Дания против Польши
1654–1656	Россия, казаки против Польши
1658–1661	Трансильвания против Польши, татар, Турции
1658–1668	Россия, казаки против Польши
1672–1676	Турция, татары, казаки против Польши
1677–1681	Турция, казаки против России
1682–1699	Турция против Австрии, немецких государств, Польши, Венеции, России
1687–1689	Россия против крымских татар
1700–1702	великая северная война
1710–1711	русско-турецкая война
1716–17	Россия против Хивы
1722–1724	Россия против Персии
1733–1735	война за польский престол
1734–1739	Россия и Австрия против Турции
1740–1744	война за австрийский престол
1741–1743	русско-шведская война
1756–1763	семилетняя война
1768–1772	война Барской конфедерации
1768–1774	русско-турецкая война
1781–1782	Россия против Крыма
1787–1792	османская война
1788–1790	русско-шведская война
1792–1793	Россия и Пруссия против Польши
1796–1797	Россия против Персии
1799–1801	война второй коалиции
1803–1815	наполеоновские войны
1804–1813	Россия против Персии
1806–1812	русско-турецкая война
1808–1809	русско-шведская война
1821–1824	вступление России в войну Молдавии и Валахии против османской империи

1821–1829	вступление России в войну Греции против Османской империи
1826–1828	Россия против Персии
1827	Наваринское сражение
1828–1829	русско-турецкая война
1832–1839	Россия против черкесов
1839–1840	Россия против Хивы
1847–1853	Россия против казахов
1848	вступление России в войну Молдавии и Валахии против Османской империи
1853–1856	крымская война
1855–1859	Россия против черкесов
1857–1858	Россия против Грузии
1864	Россия против Грузии
1865–1868	Россия против Бухары
1865–1869	Россия против Коканда
1873	Россия против Хивы
1873–1876	Россия против Коканда
1875–1878	вступление России в восстание Боснии и Болгарии против Османской империи
1877–1878	русско-турецкая война
1877–1881	Россия против Туркоманов
1904–1905	русско-японская война
1914–1918	Первая мировая война
1918	советско-финская война
1918–1920	советско-польская война
1919	Латвия и Эстония против Германии и России
1919–1927	польско-литовская война
1939	русско-японская война
1939–1940	советско-финская война
1939–1945	Вторая мировая война
1956	советская интервенция в Венгрии
1979–1985	советская интервенция в Афганистане

Отсюда амбивалентность русской и польской политики в отношении казаков: поощрение казацких набегов на врагов, попытки подчинить их нацио-

нальным властям, непризнание их особого статуса, когда они подчинились национальным властям. Когда в XVI в. Польша колонизировала плодородные земли Украины для организации на них имений своей знати, данная политика породила войну за войной, восстание за восстанием.

Крупное антипольское казацкое восстание 1648–1654 гг. привело к образованию номинально независимой Украины, управляемой казаками, затем (по мере увеличения польского влияния) породило русско-казацкую договоренность, поставив Украину под русский сюзеренитет. В 1667 г., после русско-казацких и польских сражений, случилось то, что должно было случиться: Россия и Польша поделили между собой Украину, а значит и казаков. С тех пор и русским и полякам пришлось иметь дело с сопротивлением казаков центральным властям. Например, когда в 1699 г. польское национальное собрание (сейм) объявило о роспуске независимой казацкой армии, попытки поляков претворить в жизнь это решение спровоцировали крупное восстание 1704 г. Все эти вооруженные конфликты балансировали на грани войны и революции.

Характер регулярного участия казаков в этих движениях напоминает современные пограничные конфликты в Южной и Северной Америке. Тогдашним представителям европейских держав приходилось давать отпор не только местному населению, но и соперничающим с ним претендентам на данную территорию, а также ренегатам из собственного лагеря, стремившимся уйти из сферы имперского правления. Поскольку казаки были отважными воинами, русские часто полагались на них при завоевании Сибири и юго-восточных территорий. Поскольку обитатели центральной России желали чтобы на территориях, которые казаки привыкли считать своими, существовали бы еще и помещики с крестьянами, казаки как правило оказывали сопротивление этим поползновениям. Но беднейшее казачество, в число которых входили беглые крепостные, часто стремились завести собственное хозяйство против воли более состоятельных казаков, разбогатевших за счет рыболовства и набегов; такие имели все основания опасаться, что развитие сельского хозяйства привлечет на их земли русских, помещиков и крестьян. Предводителем «голодранцев» был Стенька Разин. За восстанием Разина, произошедшим в 1670 г., последовали успешные набеги его воинства на Персию — с родного им Дона и далее через Каспийское море.

Таблица 2. Революционные ситуации в российских государствах, 1492–1992

1537	восстание мелких аристократов в Польше
1577	Польша против Гданьска
1591–1593	восстание казаков против Польши
1597–1599	восстание казаков против Польши
1598–1599	польское восстание, шведская интервенция
1598–1613	Смутное время, восстание московитов, интервенция поляков, шведов, казаков

1606–1608	восстание мелких аристократов в Польше
1630	восстание казаков против Польши
1637–1638	восстание казаков против Польши
1648–1654	восстание казаков против Польши, интервенция татар
1650	Новгород и Псков против России
1664–1666	восстание Любомирского против Польши
1676–1671	казаки (Стенька Разин) против России
1668	восстание казаков против Польши, интервенция татар
1674–1681	восстание башкир против России
1682	восстание стрельцов в Москве
1699	литовские крестьяне против Польши
1705–1711	восстание башкир против России
1707–1708	восстание Булавина (казаков) против России
1734	восстание казаков против Польши
1735	восстание башкир против Польши
1751–1753	крестьянское восстание в России
1754–1755	восстание башкир против России
1768–1769	мятеж гайдамаков против Польши на Украине
1768–1771	польская гражданская война (интервенция России, Австрии, Франции)
1773–1775	восстание Пугачева против России
1794–1795	польское восстание
1830–1831	польское восстание
1863–1834	польское восстание
1905	русская революция
1916	Киргизия против России
1917	русские революции
1917–1921	русская гражданская война, крупномасштабная иностранная интервенция
1990–1991	отделение республик от Советского Союза

Вскоре войско Разина захватило Астрахань, Саратов, Самару и начало копить силы для похода на Москву. Тогда царь послал на Волгу свою армию. Она разгромила войнство Разина и обратила его в бегство, после чего казачье начальство подобострастно выдало самого Разина московским чиновникам, и закончилось все казнью его в Москве.

Аналогичные конфликты возникали между казаками и расширяющейся империей на протяжении примерно еще одного столетия. В 1707–1708 гг. Судьбу Стеньки Разина повторил Кондрат Булавин, возглавив восстание беднейших казаков против их богатых соседей и против посланных на Дон войск Петра Великого; в их подавлении совместно с имперскими силами участвовали калмыки. В 1773–1775 гг. казак Емельян Пугачев, назвался чудом уцелевшим (несмотря на то, что все считали его умершим) царем Петром III, другом угнетенных, в том числе и староверов. Пугачев возглавил великое восстание, в котором выступали заодно казаки, башкиры, староверы, мелкие крестьяне, крепостные фабричные рабочие и помещичьи крепостные из имений, начавших распространяться по юго-востоку империи. То, что у Пугачева была программа освобождения крестьянства, делало его мятеж исключительным, и это же породило у Екатерины второй решимость истребить пугачевщину. По мере того как военная кампания Пугачева начала выдыхаться, друзья-казаки, спасая собственные шкуры, выдали его имперским войскам; он закончил свою жизнь на лобном месте в Москве в 1775 г. Между тем башкиры еще не раз бунтовали против попыток империи укротить их. На протяжении XVIII в. те же вызовы бросали Польше на Украине казаки и гайдамаки. Так что чуть ли не весь XVIII в. и Россия, и Польша подавляли на своих границах один мятеж за другим.

Коме того, и Польше, и России пришлось столкнуться с серьезными восстаниями ближе к центру своих государств. Например, в 1537 г. все более процветающая польская шляхта была против участия в войне с Россией королевской военной полиции, вынудив Сигизмунда Старого утвердить декрет *Ничего нового* (*nihil novi*), обязывавший польское правительство не вводить никаких инноваций без согласия на то шляхтинской палаты депутатов, становившейся все более важной частью польского сейма. Поскольку же палата депутатов приняла *liberum veto*, согласно которому фактически требовалось единодушное согласие относительно каждой предлагаемой королем меры, данный декрет парализовывал любую реформу. Успешное восстание шляхты ослабило и без того шатающийся трон, подчеркнув тем самым отличие российской централизации от польской децентрализации.

Централизация была осуществлена в России не без борьбы. Величайший кризис XVI в. настал в самом его конце, в Смутное время (1598–1613). Налоги и рекрутирование на долгую ливонскую войну (1557–1582) обескровили крестьянские деревни, многие из обитателей бежали на вольные земли дальше на юго-восток. Это бегство, в свою очередь, уменьшило сборы помещиков (бояр), агитировавших за выплату компенсаций и репрессии. В период, когда на престоле находился немощный Федор I (1584–1598), сменяющим друг друга регентам Никитину, Романову и Борису Годунову приходилось отбиваться от притязаний на власть знатных семейств Бельских, Шуйских и Мстиславских; многих из них сослал и казнил Годунов. По смерти Федора, не оставившего наследников, царица Ирина отреклась от трона, что породило острый кризис престолонаследия. После долгих переговоров, утвержденный Земским собором (аналогом сословного собрания — но без той

длинной предыстории, какая была у западноевропейских сословных собраний) царем стал Годунов. Когда Годунов начал превентивные и ответные преследования бояр, ни в коей мере не уничтожая их политического влияния, те перешли в оппозицию.

В тот же период случившиеся страшные неурожаи привели к тому, что появились банды местных мародеров, жители городов сражались за продовольственные припасы, а при военной поддержке бояр и польской шляхты появился претендент на трон (некто Лжедмитрий, выдававший себя за сына Ивана IV, убийство которого в 1591 г. вероятно было инспирировано Годуновым). Дмитрий был первым в череде серьезных претендентов на трон, которых в XVII в. было всего четырнадцать. Многие из недовольствующих подданных царя, включая казаков с Донца, присоединились к маршу претендента на Москву. В 1605 г., в ситуации распада собственных вооруженных сил и атак со стороны врагов, Борис Годунов скончался. Претендент же, несмотря на то, что о несостоятельности его притязаний было широко известно, стал царем.

Но не надолго. В 1606 г. русские бояре восстали против царя Дмитрия, убили его, сожгли его тело и — для верности — расстреляли его останки из пушки. И хотя после этого на трон претендовал Василий Шуйский, осуществленный им переворот породил сопротивление как в узком кругу, так и в массах. По всей империи возникали продолжительные восстания. Однажды армия повстанцев под руководством бывшего крепостного Ивана Болотникова пошла на Москву, но затем ее остатки отошли к Туле, где Шуйский обратил их в бегство. Второй Лжедмитрий также повел войска на Москву, но с меньшим успехом, чем первый.

Попытки Шуйского вернуть власть ускорили события — войну, польскую интервенцию, его собственное падение и воцарение на российском троне семьи Романовых. Ценой отказа от российских притязаний на Ливонию Шуйский заручился военной поддержкой шведского короля Карла IX, что затем восстановило против России Польшу. Польские войска взяли Москву, совет бояр признал польского короля Сигизмунда царем, а некоторые части империи достались шведским, казацким и польским силам. Однако под руководством церкви казаки и русские горожане собрали армию против польских захватчиков Москвы. Они вернули русскую власть. В 1613 г. другой Земский собор избрал боярина Михаила Романова царем. Царь Михаил получил в наследство задачи укрощения братьев-бояр (ряды которых за пятнадцать лет гражданской войны сильно поредели), выдворения шведов и поляков и восстановления имперской власти на окраинах. В сущности, он и его преемники предоставили знати еще большую власть над крестьянством в обмен на военное и управленческое сотрудничество с короной.

Трудности престолонаследия продолжали создавать подходящие условия для революционных ситуаций. Стрельцы были элитной инфантерией, расквартированной в Москве и других главных городах; свое скудное военное жалованье они увеличивали за счет гражданских заработков. По смерти в 1682 г. двадцатилетнего царя Федора представители знати, в числе которых был патриарх православной церкви, обошли сестру Федора Софью

и брата Ивана, послав на царство их десятилетнего сводного брата Петра. Но Софья подняла недовольных стрельцов и двинула их на императорский дворец, где им удалось объявить царем Ивана, а Софью — регентшей. Тогда стрельцы не только настояли на том, чтобы в правительстве были выслушаны жалобы любимых ими религиозных раскольников, староверов, но и начали собирать силы для захвата власти. Софья порвала с ними, вызвав для противостояния перевороту милицию и имперские войска. Она правила семь лет от имени брата.

Тем временем близилось совершеннолетие младшего брата — Петра и возростала опасность совершения им переворота. Агенты Софьи подготовили против него упреждающий заговор, но Петр вовремя узнал о нем и сумел опередить их. В 1689 г. его сторонники (в число которых естественно входили представители верхушки общества) арестовали Софью и привели к власти своих ставленников. Новый царь, а это был Петр I, стал самым влиятельным из царей. Он правил до 1725 г., подавлял большие восстания башкир и казаков на границах империи, но внутри страны ему не пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением, если не считать повторного заговора вооруженных стрельцов в 1698 г. В то же время на протяжении своего царствования он непрестанно вел внешние войны — с турками, шведами, персами, не говоря уж о центральноазиатских войнах с Хивой и Бухарой. Повышение Петром дееспособности армии увеличило и вероятность восстаний внутри страны, хотя шансы повстанцев на успех были ниже, чем раньше.

Во многих отношениях восстания XVII–XVIII вв. укрепляли русский трон, так как ослабляли польский престол. Между первым и вторым имелось два важных различия. Одно заключалось в том, что на протяжении данных двух веков русские цари всегда одерживали верх над повстанцами и пользовались любой возможностью уменьшить число своих потенциальных оппонентов, тогда как в Польше мятежный элемент то и дело усиливался, заключая альянсы с той или иной частью шляхты и вынуждая корону идти на уступки; другое — в том, что русская знать безоговорочно связала свою судьбу с царем, в то время как польская шляхта постоянно стремилась к умножению собственных привилегий и ограничению центральной власти. Не то чтобы русская знать отличалась благородством, которого не хватало польским шляхтичам: контроль над торговлей зерном давал им такие рычаги влияния, наличие которых русские кузены могли только позавидовать. В обоих случаях основная часть крупных восстаний происходила на спорных территориях, являвшихся имперскими задворками. Исходом этих противоположных процессов стало то, что русское государство в XVIII в. расширилось, а польское исчезло с лица земли.

Однако русская империя, поскольку в основе ее лежало самодержавие, оставалась уязвимой для дворцовых переворотов, возникавших при малейшем сомнении в правильности соблюдения порядка наследования престола. В случае кончины царя или царицы не просто увеличивалось число претендентов, но и в рядах гвардии (в которой состояли представители знатнейших родов) постоянно зрели заговоры с целью посадить на трон своего

человека. Со смертью Петра имперская гвардия перешла под контроль нового петровского дворянства, правившего от имени вдовы Петра Екатерины, а затем и их сына Петра II. После смерти Петра II, постигшей его до коронации, гвардейцы и знать сообща вступили в игру, способствуя восхождению на трон племянницы Петра I Анны.

В 1742 г. коалиция гвардейцев и представителей высшего общества вновь была образована для возведения на трон — на этот раз дочери Петра I Елизаветы, а после смерти Елизаветы в 1762 г. офицерский мятеж против провозглашенного наследником Петра III сделал царицей Екатерину II. Она правила до 1796 г. и благодаря своей энергии, уму и долголетию была прозвана Екатериной Великой. После ее смерти, в результате пяти лет борьбы со знатю, ее сын и наследник Павел в ходе путча (осуществленного с разрешения наследника Павла Александра I) распростился с жизнью. Так империя XVIII в. демон-

стрировала поразительное сочетание военного экспансионизма, административной консолидации, государственного интервенционизма, выдающихся правителей и крайней уязвимости самого сердца государства, порождаемой борьбой за престол.

Еще большей уязвимостью характеризовалась Польша в случившиеся на протяжении XVIII в. периоды смены монарха. Но здесь к процессу возведения на престол как правило подключалась комбинация польских землевладельцев с иностранными монар-

РОССИЯ УЧРЕДИЛА ПОСТ ЗАЩИТНИКА ПРАВОСЛАВНЫХ ПОДДАННЫХ ПОЛЬШИ, ПРУССИЯ ЗАЯВИЛА О СВОИХ ОСОБЫХ ИНТЕРЕСАХ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬСКИХ ПРОТЕСТАНТОВ. САМА ЖЕ ПОЛЬСКАЯ КОРОНА ЗАЯВЛЯЛА О ПРАВАХ УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ

хами, включая русского царя. В число польских королей XVIII в. входили Август, курфюрст Саксонии, отгнавший французского принца Конти; богатый шляхтич Станислав Лещинский, отпрыск старейшего польского рода; Август III, сын прежнего курфюрста; и Станислав Понятовский, ставленник Екатерины Великой, отгнавший род Чарторьжских и затем на всем протяжении своего царствования страдавший от их происков. Россия между тем учредила пост защитника исповедующих православие подданных Польши, так как Пруссия заявила о своих особых интересах в отношении польских протестантов. Поскольку же сама польская корона заявляла о правах униатской церкви (сохранившей православные ритуалы, но подчиняющейся Риму) оба защитника религий имели основания для паники. Как бы там ни было, война 1768–1771 гг., во время которой шляхтенская конфедерация, базировавшаяся в г. Бар, восстав против короля и предпринимавшихся им попыток укрепить трон, приветствовала (или, как минимум, оправдывала) продолжение интервенции со стороны Пруссии, России, а затем и Австрии. В результате Польша потеряла большую часть своих северных, восточных и южных земель, вклю-

чая значительную часть Померании, Малую Польшу, Рутению, Белоруссию, Ливонию и Витебск. К тому времени Россия обрела господство над Восточной Европой.

Вследствие русской интервенции Польше предстояло потерять еще больше. В 1791 г., по настоянию короля, сейм урезанной Польши принял конституцию, узаконившую централизм, на которую сразу ополчилась часть шляхты. Организовав свою Тарговицкую конфедерацию, шляхтичи попросили русскую императрицу Екатерину прислать войска, что она сразу же и сделала, оккупировав Варшаву и установив контроль над слабыми королевскими силами. Король Станислав перешел на сторону консервативной конфедерации. В 1793 г. эта краткая война привела ко второму разделу Польши между Россией, Пруссией и Австрией. Вскоре после этого за восстановление аннулированной напуганным сеймом новой конституции выступил во главе реорганизованной армии Тадеуш Костюшко (ветеран американских революционных сражений). Ратуя за интересы нации, повстанческие силы дерзко, но тщетно объявили войну и Пруссии, и России. Ответ прусских и российских войск последовал незамедлительно: Польша была разгромлена, а Костюшко захвачен в плен. В результате нового раздела Польши между Австрией, Пруссией и Россией от независимой Польши осталось только воспоминание, националистическая программа и набор административных делений в рамках прилегающих стран, выросших в новые империи.

КОНСОЛИДАЦИЯ В XIX ВЕКЕ

Описанный процесс сильнее вовлек Россию в политику Западной Европы. Участие в наполеоновских войнах само по себе означало увязание России в западноевропейских делах, а представителей Западной Европы — в российской политике; например, герцог Ришелье сначала служил русским офицером и генерал-губернатором южной России и лишь позже, когда русские оккупировали Францию, стал главным министром эпохи Реставрации при Людовике XVIII. Кроме того, во время оккупации культурные русские офицеры-франкофоны (помимо того, что они ввели во французский русское слово *бистро* — «быстро») установили прочные связи с парижской салонной жизнью. В XIX в. русские войска не воевали против армий Западной Европы (с одним лишь важным исключением — Крымской войной, сделавшей Россию противницей Франции); вместо этого она служила Европе военным тараном, не дававшим покоя северным провинциям Османской империи. В то время как западноевропейские державы сражались за заокеанские колонии, Россия воевала главным образом с целью расширения собственных границ на юге и на востоке.

Никто не сказал бы о России или о призраке Польши, что XIX в. прошел для них спокойно, но после 1775 г. революционные ситуации случались редко; на самом деле, между этим и 1905 годами единственной крупной революционной ситуацией были польские восстания против русского господства в 1794–1795 и 1830–1831 гг. Широкое внимание привлекла имевшая место

в декабре 1825 г. попытка офицерского государственного переворота, так как в нее было вовлечено тайное общество аристократов — сторонников реформ, но их открытый мятеж свелся всего-навсего к кратким эпизодам конфронтации с властью в Санкт-Петербурге и Киеве. Восстание декабристов, как и аналогичные события XVIII в., имело место в междуцарствие. Когда Александр I внезапно скончался, его брат Николай, бывший официальным его наследником, начал колебаться по поводу своего восхождения на престол, так как был известен своей непопулярностью в офицерских корпусах; своим выступлением офицеры хотели успеть еще до восшествия Николая посадить на трон брата Константина, не выказывавшего интереса к роли монарха. Это была последняя серьезная попытка землевладельцев и офицеров захватить власть в ситуации спорного престолонаследия. Подобно многим из его предшественников, Александру II суждено было погибнуть в 1881 г. в результате покушения на него, но Александр пал не от руки братьев-аристократов, а был убит бомбой революционеров-народников.

В то же время и польские патриоты внимательно наблюдали за русскими правителями, выискивая у них уязвимые места. Первое большое польское восстание XIX в. произошло в 1830 г., когда реакционер Николай I предложил послать польскую армию на подавление новых революций в Бельгии и во Франции. С конца наполеоновских войн в Польше действовали подпольные либеральные общества. К моменту объявления Николаем мобилизации члены этих обществ уже успели запланировать восстание, которое должно было начаться в рядах варшавских кадетов из инфантерии. Поэтому им пришлось выступить раньше запланированного, не будучи еще полностью готовыми к восстанию. Кадеты атаковали дворец великого герцога (брата Николая Константина) и собрали вокруг себя значительное число сочувствующих из народа. Повстанцам удалось создать свой административный совет, а затем и временное правительство, объявившее Романовых свергнутыми. По прошествии некоторого периода, во время которого на Россию оказывалось международное дипломатическое давление в пользу Польши и происходило непрерывающееся маневрирование польских фракций, после шести месяцев сражений с русскими войсками революционный режим все же пал. Россия восстановила правление в Польше, теснее интегрировав ее в свою административную систему.

Несмотря на формирование в австрийской и прусской частях бывшей Польши национальных комитетов и спорадически возникавшие восстания, революции 1848 г. прошли не вызвав существенных массовых выступлений в российской части Польши. Придя к власти в разгар провальной Крымской войны, российский император Александр II (1855–1881) расширил свои освободительные начинания, отменив крепостное право в 1861 г. и восстановив ряд свобод для поляков в 1862 г. В то время как умеренные польские политики начали сотрудничать с царевой программой, активные националисты (красные) проводили демонстрации требуя большего, особенно аграрных реформ. Правительство Александра решило призвать этих активистов, подавляющее число которых были студентами, в русскую армию. Приказ о новой мобили-

зации породил восстание в январе 1863 г. На этот раз шляхта почти не участвовала, восстание имело широкую народную базу и связи с интеллигенцией, но централизованное военное управление у него отсутствовало. В результате после пятнадцати месяцев партизанской войны Россия ответила еще большими, чем в 1831 г., репрессиями и еще более серьезным вмешательством.

В самой России XIX в. является веком кипения революционных страстей и заговоров, но ничто из этого не могло так расколоть государство, как это было в результате кризисов престолонаследия. Какое-то время помогали репрессии и цензура, нейтрализуя стремящихся к власти выдающихся личностей, сдерживая казаков и многочисленные присоединенные к империи меньшинства, внося раскол в ряды крестьян, вовлекая интеллигенцию в заговоры или заставляя ее замолчать. И, как это всегда бывает в ситуации, сочетающей в себе серьезные недовольства, жестокие репрессии и слабость организованного инакомыслия, противостоящее режиму городское население занялось покушениями и скрытыми экспроприациями собственности. Такие террористические акты показывали слабые места режима, так как их авторы избегали прямого силового противостояния с властями.

Правда, крестьяне стали все чаще нападать на помещиков и чиновников, особенно после освобождения 1861 г. Но даже самые решительные из крестьян-бунтовщиков не вливались в общерегиональные восстания, не объединялись с прочими диссидентами, уже обладавшими структурами коммуникации в масштабах нации, и сами по-настоящему не брались за оружие. Даже убийство народовольцами в марте 1881 г. Александра II не спровоцировало всенародной революции. Наоборот, оно вызвало беспрецедентную волну репрессий, включая введение черты оседлости и инспирированные правительством погромы, уничтожившие гражданские права, а зачастую и сами жизни русских евреев.

Реформам Александра II не удалось достичь своей цели, но они оказывали фундаментальное воздействие на русскую политику, начиная с 1860-х гг. и далее. Они приблизили Россию к прямому правлению, уничтожив административные полномочия дворян и создав альтернативные институты, непосредственно подотчетные высшим государственным чиновникам. Освобождение крестьян принесло свободу также и дворовым людям (хозяева которых часто сдавали их в наем на фабрики и в магазины), не дав им земли. Помещичьи крестьяне получили право выкупа половины обрабатываемой ими земли, но не для себя лично, а для общины, которая под наблюдением государственных агентов контролировала землепользование и периодически перераспределяла землю в соответствии с размером семьи. Создание иерархии региональных ассамблей, земств расширило квазирегиональный аппарат. Реорганизация судов привела к появлению более целостной судебной системы, охватывавшей как местный, так и общенациональный уровни. Общины, региональные собрания и суды создали беспрецедентную основу для прямого вмешательства сверху, для политической мобилизации снизу доверху. Сохраняющаяся власть помещиков, многие из которых теперь владели половиной общинных земель в качестве абсолютной собственности

и нанимали своих бывших крепостных, платя им меньше, чем было нужно для обеспечения прожиточного минимума, являлась питательной средой для новых конфликтов.

На протяжении четверти века после убийства Александра II Александр III и Николаю II пришлось иметь дело с огромными противоречиями: с одной стороны, быстрая индустриализация, стремительный рост населения, энергичная урбанизация, массовая пролетаризация сельского населения, политическая мобилизация через земства и университеты, расширение репрессий и цензуры, ограничение власти земств, насильственная русификация этнических и религиозных меньшинств, новые привилегии знати. Оба эти течения, слившись в одно, образовали неистовый поток.

В самом конце 1890-х гг. государство столкнулось с целым рядом вызовов со стороны студентов, крестьян, а позже и рабочих. Между 1899 и 1901 гг. конфронтации между студентами и властями в университетах Санкт-Петербурга и Киева привели к волнам общенациональных студенческих забастовок и демонстраций, а также к убийству министра образования. В 1902 г. крестьяне совершили нападение на помещичьи усадьбы в 175 общинах Украины, после чего царские власти посадили в тюрьму 837 крестьян и вынесли обвинительные заключения по целым деревням, совокупная сумма наложенного на них штрафа составляла 800 тыс. рублей. В 1903 г. волна забастовок в промышленности подняла исключительное число рабочих южной России, приведя к тому, что эта армия заняла нефтяные поля. Этим забастовкам было достаточно для того, чтобы увеличить число рабочих, обвиненных в «преступлениях против государства»; между 1884–1890 и 1901–1903 гг. общее число людей, которым было предъявлено это обвинение возросло в пять раз, а доля среди них тех, кто не являлся сельскохозяйственными рабочими, возросла с 17,2 до 50,3 %. Не только интеллигенция, но и крестьяне с рабочими явно объединялись для противостояния режиму.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ

Через одиннадцать лет после освобождения крестьян и через восемь лет после реформы земств и судебной системы, в 1872 г., французский либерал интеллигент Анатолий Леруа-Болье первым приехал в Россию для изучения социально-политического положения, о котором он станет писать в своих многочисленных статьях для «Revue des Deux Modes», а затем в трехтомном труде «L'Empire des tsars et les Russes», появившемся в 1881–1889 гг. Работая над своими отчетами, французский гость стал свидетелем жестокой российско-османской войны, введения всеобщей военной повинности, возникновения профсоюзов, забастовок и революционных ассоциаций, постоянных нападений на чиновников, включая убийство царя Александра, – короче, он стал свидетелем крупномасштабного внутреннего конфликта и предпосылок чего-то гораздо худшего. Далее, по мере появления книжного варианта его наблюдений, он мог видеть крупномасштабную реакцию, способную упрочить революционеров и реформаторов в их противостоянии режиму.

И все же телеология, если таковая присутствует в его анализе, была телеологией не революции, а либерального индивидуализма.

Подобно многим современным наблюдателям, Леруа-Болье рассматривал настоящее и будущее России главным образом с точки зрения стоящих перед либерализацией препятствий: укоренившейся бюрократии, крестьянской общины (мира), мешавшей крестьянину рационально использовать землю, религиозной дискриминации, слабости гражданских свобод. Предвосхищая наблюдателей 1990-х гг., видящих в крушении коммунистической партии начало долгого и опасного процесса перестройки, он считал освобождение крестьян первым неизбежным шагом в направлении прогрессивного общества, таким шагом, который делал еще более неотложной перестройку экономических и политических институтов. Еще он описывал быстрое развитие в России индивидуализма и промышленности, приближавших страну к западноевропейской модели. Леруа-Болье умер в 1912 г., познав революцию 1905 г. (ведь он даже присутствовал на заседаниях Государственной думы в 1906 г.), но не дожил до первой мировой войны и революций 1917 г.

Тем не менее Леруа-Болье признавал силу радикализма и возможность революции в России: «Развитию радикализма более всего способствовали присущие данному политическому режиму подавление духа, интеллектуальное обнищание и моральная деградация» (Leroy-Beaulieu 1990: 827). Поскольку он не видел возможности объединения «миссионеров» из числа интеллигенции с рабочими и крестьянами, он все же мог смотреть на народную революцию совсем другими глазами. Учитывая влияние, которое окажет на нее крестьянский мир, она сведется к дикарскому отмщению:

При этом аграрном социализме провинция опять увидит кровавый разгул Пугачева. В среде самых невежественных и доверчивых из европейских народов революция вероятно превзойдет по варварству все наши Терроры и Коммуны (p. 841).

Взяв за образец непосредственно французскую революцию, Леруа-Болье определил, почему никакая народная революция невозможна: слишком большая империя, слишком рассредоточенное население, слишком сильная бюрократия, слишком мало больших городов, в столице отсутствует мятежный элемент (p. 843). Еще удивительней то, что он выдвинул альтернативную возможность, согласно которой серия национальных революций преобразует разнородные элементы Российской империи в федерацию, а может быть даже в федеральный придаток Соединенных Штатов (p. 865–868). И наконец, он обрисовал перспективу либеральной революции сверху, способной предотвратить гораздо более опасную реакционную революцию снизу:

Запад осуществил свою революцию в лице французской революции; все немецкие и латинские народы некоторым образом испытали на себе ее влияние, восприняли ее доктрину, испытали ее добро и зло. Наша революция в той или иной степени представляет собой искупление старой феодальной Европы; но о патриархальной Восточной Европе, о пра-

вославных славянах можно сказать, что они все еще ожидают своей революции или чего-то, что займет ее место; откуда, как не из России, придет инициатива? С этой точки зрения, русская революция явится величайшим историческим событием со времен французской революции, завершением ее на другом полюсе Европы (р. 890).

На каких основаниях можно было ожидать в России 1880-х гг. начала чего-то похожего на революцию?

Процитированные выше строки Леруа-Болье писал в 80-х гг., за два десятилетия до русской революции 1905 г. Они перекликались с тем, что сказал Токвиль о старом режиме во Франции, а именно, что империя оттолкнула от себя один из своих прежних устоев, зная, не создав альтернативного основания политической поддержки; что уничтожение крепостного права дало знати мотив разрушить прежние сковывавшие их с быстро пролетаризирующемся крестьянством связи обязательств и власти, если не эксплуатации; что сами крестьяне, основная часть российского населения, накопили огромное недовольство и знатью, и правительством; что в Санкт-Петербурге и Москве связанные между собой промышленный пролетариат и буржуазия начали создавать собственные организации и роптали в условиях ограничения гражданских свобод; что огромная, хоть и плохо взаимодействующая сеть революционных организаций привлекала в свои ряды представителей интеллигенции и членов бывших правящих классов, короче говоря, складывалась благоприятная для революции ситуация, а именно: 1) имелись коалиции, борющиеся между собой за единоличную власть в государстве; 2) с притязаниями на такую власть отождествляла себя значительная часть граждан; 3) правящие круги не могли или не желали истребить альтернативную коалицию и/или солидаризировались с ее требованиями. Среди этих условий более всего не хватало решающего удара, который дискредитировал бы государство и тем самым сделал бы революционную альтернативу не только желательной, но и реальной.

Вообще, существовало и три других обстоятельства, подготавливавших почву для революционной ситуации и приближавших ее наступление: усиливавшееся несоответствие требований, предъявляемых правителям и подданным, и собственная неспособность правителей обеспечивать повиновение; звучавшая среди населения критика главных лиц и их побочных доходов; ослабление власти правителей в условиях существования хорошо организованных конкурентов. В России конца XIX в. совпали три фактора: во время Крымской войны против Османской империи и Русско-японской войны возросла потребность государства в налогах и рекрутах, а после убийства Александра III ужесточились репрессии, в условиях же отчуждения аристократии от государства реальная способность осуществления контроля снизилась. В нерусских губерниях имели место случаи нападения на известных людей и преследования евреев. Самые драматичные изменения касались наиболее наглядных аспектов дееспособности государства; оно разрушалось.

Данная утрата авторитета явилась следствием громкого поражения России в двух войнах — с Японией и с коалицией, центром которой была германская империя. Крах самодержавия породило не то, что эти две войны были развязаны, а то, каков был их исход.

РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Существует соблазн отнести к революции 1905 г. как к простым прелюдиям 1917 г. Однако, если бы революций 1917 г. вовсе не случилось, в сегодняшних описаниях истории России решающим считался бы 1905 г. Война и революция 1904–1905 гг. установили последний рубеж российской имперской экспансии, они продемонстрировали уязвимость царизма, сделали рабочих главной политической силой и ввели новую форму революционного правления — советы, сделали всеобщую забастовку эффективным средством народных антигосударственных выступлений, породили партии большевиков, меньшевиков и эсеров как действенные воплощения вызова существующей власти, создали некое подобие Национального собрания там, где прежде безраздельно царил лишь Земский собор и к тому же стимулировали важные шаги в направлении развитого капитализма.

Непосредственным толчком к революции 1905 г. послужила имперская экспансия и поражение в войне. К концу XIX столетия российские имперские силы продвигались вглубь Азии, строили Транссибирскую железную дорогу, прочесывали Афганистан, укрепляли свои поселения вдоль северной границы Китая с Россией, проникнув в Манчжурию, угрожая Корее, и тем самым явно вступали в то пространство, по поводу контроля над которым конкурировали экспансионистская Япония и ослабленный Китай. Продолжая следовать испытанной стратегии «разделяй и властвуй», Россия вступила в свободный союз с Китаем против Японии, в то же время сотрудничая с Германией и Великобританией в деле проникновения в Китай. Стремление России к Тихому океану пересеклось с попытками Японии создать азиатскую империю; в результате разразилась война. К удивлению россиян и прочих европейцев японский флот нанес поражение русскому. Российское правительство утратило доверие к себе. Революционеры совершили покушение на министра внутренних дел Плеве, в результате которого он был убит. Состоялся общенациональный съезд земств, целью которого был созыв общероссийского съезда и представление народу некоторых гражданских свобод, и требование либерализации правления получило широкое хождение.

22 января 1905 г. — в Кровавое воскресенье — царские войска расстреляли рабочую демонстрацию, направляющуюся под предводительством священника Гапона к царю с целью вручения ему петиции. Движение росло и ширилось благодаря многочисленным забастовкам. В армии и на флоте вспыхивали мятежи, все более громогласно выдвигались требования предоставления автономии нерусским губерниям, вновь начали крушить господские имения крестьяне; так продолжалось до тех пор, пока 6 октября 1905 г. гигантская всеобщая забастовка не парализовала значительную часть европейской тер-

ритории России. Координацией забастовки занимались советы рабочих Петербурга. Уступки, сделанные царем, сначала в виде учреждения совещательного органа (Думы), а затем учреждения более широких представительных институтов и дарования гражданских свобод, привлекли на его сторону некоторую часть оппозиции, в то же время превратив социал-демократов (как большевиков, так и меньшевиков) в самых заметных врагов государства. После ареста премьер-министром Витте членов санкт-петербургского совета рабочие Москвы начали уличные бои с имперскими войсками, но перспективы захвата власти они были лишены.

Возвращение царизма к власти перевело события 1905–1906 гг. в категорию подавленных мятежей. Но очевидцы тех лет видели в 1905 году кардинальный революционный кризис. В январе 1905 не кто иной, как В. И. Ленин писал из женеvской эмиграции:

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть за месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата «смерть или свобода!» эхом перекачивается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой. Всеобщая стачка в Петербурге растет. Вся промышленная, общественная и политическая жизнь парализована.²

Далее Ленин описывает революционные выступления в Москве, Лодзи, Варшаве, Хельсинки, Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковно, Вильне, Севастополе, Ревеле, Саратове и Радоме. Правда, в августе 1906 г., суммируя «Уроки московского восстания», он заключил:

декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка как самостоятельная и главная форма борьбы изжила себя, что движение со стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы – восстание.³

Ленин приходит к выводу, что пролетариат должен вооружаться в ожидании следующей революционной ситуации. В этот раз, писал он, рабочие (читай: большевики) не были готовы. Случай был упущен.

Перед самым заседанием первой Думы (май 1906) царь сумел перехватить инициативу в политической борьбе, издав Основной закон, что было равнозначно введению ограниченного конституционного правления. Дума, будучи относительно консервативной по своему составу благодаря тому, что радикальные партии бойкотировали думские выборы, тем не менее резко критиковала правительство и была распущена без долгих разговоров.

Тем временем правительство, действуя по законам военного времени, поддерживаемое войсками, вернуло себе Дальний Восток и начало преследовать и казнить участников восстания 1905 г.; жизни лишились более тысячи

² Ленин В. И. Начало революции в России. Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 9. С. 201–202.

³ Ленин В. И. Уроки московского восстания. Там же. Т. 13. С. 369.

человек. Новый премьер-министр Столыпин обнародовал аграрное законодательство, по сути вводящее частную собственность, начал оказывать сдерживающее воздействие на вторую Думу, включая наиболее радикальных ее представителей, вводя ограничения на электорат при выборах третьей Думы, ужесточил репрессии против революционных групп, а также — по мере того как экономика оправлялась от долгой депрессии — инициировал серию либеральных реформ.

Репрессиям и насилию, связанным с заговорами, не было конца. В относительно мирный период 1908 г. нападения по политическим мотивам привели к смерти 1800 чиновников, кроме того было ранено 2083 человек. Даже убийство Столыпина в 1911 г. и участие России в Балканской войне (1912–1913) несущественно повлияло на равновесие сил. Но устроенное регулярными войсками кровопролитие (апрель 1912), вызванное забастовкой на Ленских золотых приисках, унесло жизни 170 рабочих и спровоцировало еще одну полосу забастовок, став началом новой волны, не спадавшей до самого захвата власти большевиками в 1917 г.

ЕЩЕ ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

Новое покушение косвенным образом втянуло Россию в великую войну. По мере ослабления Османской империи, Австро-Венгрия начала прибирать к рукам Балканы. В 1908 г. Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину, тем самым усилив антиавстрийские настроения в прилегающих Сербии и Черногории. Россия скоро вступила в организацию альянсов на Балканах и в других местах, блокируя влияние Австрии также и на дальних подступах. Австрия была заинтересована в том, чтобы не позволить Сербии расширить свою территорию за счет Адриатики, что было бы одним из нескольких возможных исходов Балканских войн, разразившихся в 1912–1913 гг. Через месяц после того, как Гаврило Принцип, боснийский агент сербской «Черной руки», 28 июня 1914 г. застрелил эрцгерцога Франца Фердинанда, Австрия объявила войну Сербии, Россия почти мгновенно мобилизовала войска, что в свою очередь заставило Германию объявить войну России. Так началась цепная реакция Первой мировой войны.

Первая мировая война имела некоторые из тех революционных следствий, которыми была отмечена в России и на европейском континенте Русско-японская война: 9 млн убитых и 20 млн раненых в боях, еще 1 млн убитых и раненых среди гражданского населения, а также материальный ущерб на сумму свыше 300 млн долларов США (по курсу 1918 г.). Она вызвала не только русские революции 1917 г., но и распад Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй, установление независимости Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией и Литвой плюс многочисленные другие изменения границ и правил. Хотя Скандинавский и Иберийский полуострова избежали прямого военного участия, расширяющаяся пропасть войны не оставила незатронутой ни одной части Европы. Глубина и всесторонность мобилизации военного времени обусловили огромную экспансию бюрократии

тии и государственной власти, включая право заниматься реквизициями, рекрутированием и налогообложением. Каждое из государств несло огромное долговое бремя, не говоря уже о первостепенных обязательствах по отношению к ветеранам войны и другим «кредиторам»; у каждого из государств остались невыполненными какие-то из обязательств, что вызывало негодование у их граждан.

Раздел Польши, произошедший двенадцатью десятилетиями раньше, означал, что у Российской империи появились протяженные общие границы с Германией и Австро-Венгрией. В течение последних четырех лет между этими тремя державами шла пограничная война. Большинство из сражений происходило на бывшей польской территории, особенно на той ее части, которая была занята Россией в течение XVIII в. До декабрьского перемирия 1917 г. ни германские, ни австрийские силы не вступали на собственно российскую территорию, но в Польше и на Балтике они наносили удары по русским войскам. Поражение русских в 1915 г. в Галиции и на Буковине явились сигналами военной уязвимости России. В 1916 г. немецкие оккупанты объявили о создании независимого польского государства, а в марте 1917 г. новое русское Временное правительство фактически признало независимость Польши. Армия терпела поражение за поражением, и империя начала распадаться.

Конфликт в промышленности выявил недовольство российских рабочих войнами и режимом. В 1914 г. бастовало почти в тридцать раз больше российских рабочих, чем в 1910 г.; в 1915 г. уровень забастовочного движения упал более чем в половину — но для того лишь, чтобы в 1916 г. достичь новых высот. Судя по компиляции, составленной Дианой Кёнкер и Уильямом Розенбергом (1989), 1917 г. определенно превзошел 1914. Революционный подъем в России оставил позади движения главных европейских стран — даже Германии, где в 1919 г. было в 14 раз больше забастовок, чем в 1910.

В борьбе 1917 г. важнейшую роль играли рабочие. В Петрограде (так был переименован с начала войны Санкт-Петербург) проходили массовые забастовки рабочих, затем начался общий мятеж столичных военных частей. Дума ответила на приказ императора о ее роспуске назначением Временного правительства. Царь Николай отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, который в свою очередь тоже отрекся; Временное правительство, составленное из консерваторов и либералов, неожиданно оказалось в роли спасителя разваливающегося государства. Вскоре на роль правительства стал претендовать Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, пользующийся тем, что на фабриках и в армии он обладал исключительным влиянием и мог блокировать контроль центра и учреждать выборные комитеты в качестве контрвласти. В апреле и мае из эмиграции вернулись лидеры радикалов, включая Ленина и Троцкого.

Первая попытка большевиков захватить власть в Петрограде была неудачной, из-за чего Ленину пришлось вновь эмигрировать — на этот раз в соседнюю Финляндию, расположенную куда ближе, чем Швейцария. Временное правительство раскололось по вопросу о том, насколько жесткую линию следует проводить в отношении большевиков: в результате этого раскола

Александр Керенский (премьер-министр) уволил Лавра Корнилова (главнокомандующего). Корнилов отдал своим войскам приказ взять Петроград. Начиная с этого времени большевики наращивали поддержку своей партии за счет дискредитированного Временного правительства. 6 ноября (24 октября по старому стилю) большевики выступили против правительства и одержали победу. На следующий день Всероссийский съезд советов ратифицировал результаты большевистского переворота. В альянсе с эсерами большевики захватили власть в государстве.

Работа была выполнена чужими руками. Война продолжалась, контрреволюционеры вооружались, и новое правительство пыталось провести быструю коллективизацию земли, капитала и промышленности, начав с немедленного раздела крупных имений. Во многих регионах крестьяне опережали правительство, самостоятельно захватывая землю. На выборах в Учредительное собрание, состоявшихся позже, в ноябре, подавляющее число голосов было отдано эсерам; но когда в январе состоялся съезд Учредительного собрания, красные войска немедленно разогнали его. Поскольку в России теперь командовали все, кому не лень, ныне пришел черед большевиков, вскоре провозгласивших себя Коммунистической партией.

Пока большевики вели в Брест-Литовске мирные переговоры, основные части империи — Украина, Эстония, Финляндия, Молдавия и Латвия — объявили о своей независимости. В результате подписания договора о мире Россия потеряла также Литву и Закавказье. В конце года против большевистского государства объединились казаки и контрреволюционная белая армия. Так как союзники и Антанты продолжали войну, в другие части империи вошли многочисленные державы: английские, французские и британские силы высадились в Мурманске, Архангельске и Владивостоке, японцы — на Дальнем Востоке, турки — на юге, немцы атаковали по нескольким направлениям. Пожалуй, самым эксцентричным был маршрут чешских войск. Будучи не в состоянии пробиться сквозь австрийскую линию с востока, они устремились далее на восток, через Сибирь в попытках вернуться в Европу через Владивосток. Сначала, однако, они захватили ряд городов, расположенных по трассе Транссибирской магистрали, а затем, находясь в глубине России, объявили войну Германии, увеличив тем самым (объявление войны Германии давало им признание британцев и американцев) собственные шансы на создание по окончании войны своего независимого государства. В течение 1918 г. к числу самопровозглашенных независимых государств присоединились Грузия, Азербайджан и Армения. В сущности в составе империи оставалась теперь одна Россия, но и в России отдельные регионы бунтовали.

ПОСКОЛЬКУ В РОССИИ ТЕПЕРЬ
КОМАНДОВАЛИ ВСЕ, КОМУ НЕ
ЛЕНЬ, ПРИШЕЛ ЧЕРЕД БОЛЬШЕ-
ВИКОВ, ПРОВОЗГЛАСИВШИХ СЕБЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ

На протяжении последующих четырех лет Красная армия Троцкого вела бои за восстановление контроля над территорией империи. Финляндию, Прибалтику и Польшу ей завоевать не удалось. Зато большинство других территорий империи в границах 1914 г. она в конце-концов подчинила себе. Последними из серьезных внешних вызовов стала война с Польшей за Украину (апрель — октябрь 1920) и восстание моряков в Кронштадте (февраль — март 1921). Война с Польшей стоила России западной половины Белоруссии и Украины. Русские коммунисты перестроили государство путем вооруженной борьбы и коренной реорганизации экономики. На самом же деле, имеющееся у них преимущество превратилось в проблему: в ходе революции и гражданской войны они создали государственную структуру, основу которой составила огромная армия — а в 1920 г. это было более 5 млн человек — пронизанная духом высоко централизованной партии. Поэтому демобилизация представляла серьезную угрозу для всей коммунистической системы правления. Коммунисты разрешили эту проблему по-своему, заменив армию гражданской бюрократией, в рядах которой находилось огромное число дореволюционных чиновников. И в рядах этой бюрократии они также насаждали представителей высоко дисциплинированной, но в то же время тактически гибкой Коммунистической партии.

Гражданская война в сочетании с устроенной союзническими войсками блокадой привнесла разруху как в сельское хозяйство, так и в промышленность. Число промышленных рабочих сократилось с 3,6 млн в 1917 до 1,5 млн в 1920 г. К 1921 г. Ленин с соратниками заключил в сущности новый договор с крестьянами. Новой экономической политикой вводился зерновой налог, но производителям предоставлялась свобода продавать оставшиеся после уплаты налога зерно и свобода вести собственное хозяйство. Одновременно с этим государство стремилось укрепить собственную валюту. В ретроспективе нэп выглядит очень похожим на тот «рыночный социализм», за который ратовали многие жители Восточной Европы в 1992 г. — с тем лишь исключением, что коммунисты крепко держали в своих руках рычаги управления производством, распределением и особенно финансами.

Суть происходившего тогда помогает понять противопоставление с современным экономическим кризисом в Германии. Сколь бы серьезным ни был кризис Советского Союза в 1922 г., это был кризис социализации экономики; какой бы силы не достиг кризис в современной нам Германии, это был кризис капитализации экономики. «Для капитализации экономики, — утверждает Эдвард Нелл, — характерно то, что ей приходится отодвигать границу избыточного — а не просто резервного — предложения, тогда как социалистическая экономика страдает от избыточного спроса» (Nell 1991: 1). Данное введенное Неллом различие Кэтрин Вердери, осуществившая синтез многого из того, что написано на эту тему в Восточной Европе и о Восточной Европе, поясняет так: «центральной императивом социализма является повышение *способности* бюрократии размещать средства, а это — не обязательно то же самое, что увеличивать объем средств, подлежащих размещению» (Verdery 1991: 421).

Таким образом зависимость обладания жильем, едой, товарами потребления и привилегиями от членства в административных и производственных организациях заложено непосредственно в основополагающих принципах функционирования системы; в этом состоит ее фундаментальное отличие от капиталистических посылок, согласно которым индивидуальные обладатели богатства имеют право распоряжаться им по своему усмотрению. Хотя ни Нелл, ни Вердери прямо об этом не заявляют, данное различие вытекает непосредственно из исторических условий становления капитализма и социализма: первый возник при захвате или создании торговцами средств производства в процессе конкурирования с другими купцами; второй возник в результате экспроприации средств производства у капиталистов. В этом свете и нэп, и относительную либерализацию немецкой экономики после великой мобилизации Первой мировой войны мы можем рассматривать как отступления от ситуации управления способностью бюрократов выделять средства.

За последующие пять лет нэп позволил экономике восстановиться по основным параметрам. Закончился он с приходом к власти Сталина в 1927 г., с выдворением Троцкого, с принятием под давлением Сталина обязательного к исполнению плана индустриализации, что впоследствии обусловило формирование гораздо более громоздкого аппарата управления гражданскими делами. Взяв власть, Сталин начал нечто вроде революции сверху при почти полном отсутствии революционной ситуации — то есть реального раскола внутри советского государства. Сталин и его соратники так крепко держали в своих руках партийный аппарат, что с 1929 по 1938 г. могли устраивать регулярные чистки, не вызывая этим открытого протеста. Быстрый рост полицейских сил, включая вызывающую ужас политизированную тайную полицию, усилил контроль центра.

В государствах, отколовшихся от империи, период с 1918 по 1921 г. аналогичным образом был отмечен длительными революционными боями, начавшимися в 1917 г. На протяжении большей части войны Латвия, Литва и Эстония оставались оккупированными Германией, Польша представляла собой главный театр военных действий, тогда как Финляндия преимущественно оставалась на заднем плане. Вскоре после захвата власти большевиками все они в разное время заявляли о своей независимости от России. Начиная с Брест-Литовского договора и кончая капитуляцией Германии, Латвия, Литва и Эстония продолжали находиться под опасной германской «защитой». После поражения Германии, российские войска попытались вернуть себе все три государства, но в 1920 г. отказались от этой мысли. Однако, для Литвы признания ее независимости Россией и международным сообществом оказалось недостаточно, и скоро она вступила в войну с Польшей за Вильну; война эта не прекращалась до 1927 г. Начав с экспериментов с переделом земель и демократизацией, все три государства в конечном счете закончили тем, что стали жертвами правых переворотов, хотя в Эстонии диктаторский режим настал поздно (1934–1936) и длился недолго.

Польша, проведя большую часть войны под контролем Германии, обрела большую независимость после капитуляции Германии в 1918 г. и под руково-

дством Пилсудского сразу же взялась за возвращение себе прилегающих территорий, некогда находившихся под управлением Польши: Галиции, Познани, Литвы, Силезии и других регионов. Подобный ирредентизм вверг новых руководителей Польши в войну с Литвой (1919–1927) и Советским Союзом (1920). В 1926 г. Пилсудский возглавил правый путч, приведший к установлению правительства, просуществовавшего в режиме постоянного лавирования вплоть до немецкого вторжения в 1939 г.

И наконец, в Финляндии произошли основные события войны между красными и белыми, оставившие страну совершенно беззащитной. Немецкое вторжение помогло белым оттеснить красных. В 1919 г. между Финляндией и Советским Союзом имела место краткая война за Карелию. Подобно своим прибалтийским соседям, в 20-е гг. Финляндия предприняла земельный передел и демократизацию с тем лишь результатом, что вызвала мощную реакцию справа. Хотя финский вариант военного путча (1930, 1932) не удался, давление, оказываемое сменяющимися друг друга авторитарно-националистическими движениями, вносило раскол в финскую политику вплоть до 30-х гг. Политический контраст между Советским Союзом и располагающимися вдоль его северо-восточных границ новообразованными независимыми государствами стал еще резче. В результате позднейшая оккупация Польши Советским Союзом (1939), поражение Финляндии в советско-финской войне (1939–1940) с последующим финско-русским договором, а также военные альянсы, следовавшие за прямым поглощением Советским Союзом Латвии, Литвы и Эстонии (1939–1940) — все это произвело грубые смещения в характере названных государств.

КОНСОЛИДАЦИЯ И КОЛЛАПС

При Сталине Советский Союз представлял собой поразительное сочетание. В некоторых отношениях он повторял структуру Российской империи: централизованное в своих основных чертах прямое правление в самой России; продолжение непрямого, ныне еще более агрессивно доведенного до уровня отдельной общины правления в большинстве нерусских республик — теперь связующими звеньями управления служили чиновники коммунистической партии; постепенный приток русских на руководящие посты в бюрократической, профессиональной и промышленной сферах внес в эту модель определенные модификации. За пределами самой России подавляющее большинство населения владело в качестве второго языка русским, либо вообще не знало иностранных языков.

Коллективизация сельского хозяйства, насаждение тяжелой промышленности и реорганизация распределения — все это обросло собственными гигантскими организационными структурами, также связанными с коммунистическим партийным аппаратом и управляемыми им. В 30-е гг. происходила консолидация системы по мере того как партийные чиновники, обрастая привилегиями, властью и манерами, начали противопоставлять себя остальной части населения. Между тем недоброй памяти чистки 1937

и 1938 гг. продемонстрировали тот факт, что данная консолидация была в основе своей вынужденной; Сталин все еще продолжал уничтожать потенциальных соперников, мешающих осуществлению им единоличного правления. Далее, по мере развития ремилитаризации Германии, Советский Союз начал тратить на военную промышленность все большую часть своего растущего производственного потенциала.

Вторая мировая война оказала огромное, но неоднозначное воздействие на советское государство. С одной стороны, 7-миллионные человеческие потери, уничтожившие 60 % промышленного потенциала страны, а также глубокое проникновение немецких войск на советскую территорию породили ужасные сбои в функционировании политического механизма. С другой, – вызванная войной чрезвычайная мобилизация сил, окончательная победа над нацистской державой и распространение советского влияния на Центральную Европу увеличило и без того огромный престиж государства, умножая его полномочия. Благодаря послевоенным договоренностям с бывшими союзниками по Оси – Венгрией, Болгарией и Румынией, а также с жертвами Оси – Чехословакией и Польшей – Советский Союз расширил сферу своего влияния на Западе более, чем когда-либо раньше; формирование в 1955 г. в качестве противовеса НАТО блока стран Варшавского договора только усилило военную хватку СССР в Центральной Европе.

В области внутренней политики также усилилось влияние военных. Опыт гражданской войны и политики военного коммунизма (1917–1921) уже создал прецедент всепроникающего присутствия военных в гражданской жизни, а позже попытки мобилизации экономики еще более усилили власть и обособленность партийных кадров. Вместе с тем участие во Второй мировой войне усилило взаимодействие между партийными комиссарами и военным командованием. Отношения взаимного недоверия между партией и армией, характерные для 30-х гг., пошли на убыль. Реорганизованные под эгидой Министерства вооруженных сил и претендующие на большую часть национального бюджета, военные вышли из войны как никогда сильными.

Однако возрождение армии опиралось на огромную работу по созданию советской экономической инфраструктуры. Послевоенное восстановление советского хозяйства осуществлявшееся практически без зарубежной помощи, явилось беспрецедентным достижением государственной власти; за каких-то несколько лет на руинах сметенной с лица земли экономики Советы создали действенную систему военной промышленности, способную запускать в космос спутники и конкурировать с американскими вооруженными силами. И то, что данные свершения ужесточили власть военных и удушили гражданский сектор, не должно заслонять от нашего внимания факт величия проделанной восстановительной работы.

Холодная война с Соединенными Штатами и их союзниками создала в послевоенном Советском Союзе возможность революции. В течение многих лет с революционными ситуациями Советскому Союзу приходилось сталкиваться во время внешних интервенций в страны как восточно-европейских соседей, так и в неевропейские государства. В первом случае наи-

более выдающимися событиями были введение советских войск для подавления инакомыслия в Венгрии, Чехословакии и Польше; во втором случае наибольшей силы и разрушительности достигла косвенная конфронтация с Соединенными Штатами в Афганистане, началом которой послужило оказание Советским Союзом помощи лево-ориентированному военному перевороту 1979 г., а продолжением — американские военные поставки для борьбы неких афганских повстанцев с милитаризованным правительством Афганистана. Хотя повстанцы не могли одержать победы, не могли они и потерпеть поражение. Советские военные надолго оказались в безвыходном положении, аналогичном тому, в котором находились их соперники-американцы во Вьетнаме. До подписания в 1988 г. мирных договоров в Женеве Советский Союз держал в Афганистане 100–120-тысячную армию, в то время как число врагов установленного им марионеточного режима не уменьшалось.

После смерти в 1982 г. сторонника жесткой линии Леонида Брежнева и кратких периодов правления Юрия Андропова и Константина Черненко, в 1985 г. во главе Коммунистической партии, а значит фактически и государства встал Михаил Горбачев. Вскоре он объявил программу развития гласности и либерализации общественной жизни, выразившуюся в частности в таких мерах, как освобождение в 1986 г. из тюремного заключения известных диссидентов (например, Анатолия Щаранского и Андрея Сахарова) и ускорение выдачи выездных виз евреям (так, в 1985 г. не выехал почти никто из них, в 1986 г. — 1 тысяча человек, в 1988 — 2 тысячи, в 1989 — 6 тысяч). В 1987 г. Горбачев дополнил политическую либерализацию программой перестройки, реструктуризации экономики для переориентации ее с военного на гражданское производство и для резкого наращивания ее производительности.

С большей осторожностью действовал Горбачев, подталкивая государство к сокращению его военного присутствия за рубежом и прекращая практику кровавого подавления организованных требований предоставления автономии религиозной, этнической и политической — в рамках Советского Союза. Горбачев выступил с серией обещаний обеспечить своей программе поддержку народа, которые были воплощены в созыве в 1989 г. чрезвычайно представительного съезда народных депутатов. Съезд, все еще действуя в прежних рамках, установленных ведущей ролью Коммунистической партии, должен был избрать новый Верховный Совет. Выступив с программой политической и экономической либерализации, открыв страну для совместных предприятий и участия (в 1990 и 1991 гг.) в руководимом Америкой антииракском альянсе, Горбачев искал международной поддержки и рассчитывал на помощь извне.

Данная попытка высвободить экономический потенциал, ослабив контроль из центра над производством и распределением, способствовала появлению множества мелких предприятий, положила начало отчаянным усилиям по поиску западных партнеров и позволила выйти из подполья всевозможным неформально циркулирующим обменам — черному рынку, серому рынку, персональным сетям и бартерным сделкам — всему, что раньше явля-

лось объектом преследования. Но кроме этого она породила сильнейшее сопротивление производителей практике поставок товаров в отмирающую официальную систему распределения; к тому же имело место массовое отвлечение правительственных запасов и мощностей и перенаправление их в сети коммерческого и монопольного распределения, функционировавшего в интересах управленцев, ловких предпринимателей и членов организаций, имеющих привилегированный доступ к дефицитным товарам, мощностям или иностранной валюте. Бартер между фирмами, купонная система расчетов, обеспечивавшая членам привилегированных организаций доступ к товарам и услугам, использование знакомых, родственников и сослуживцев для добывания дефицитных товаров — все это дробило распределение именно тогда, когда правительство заявляло о намерении универсализировать его путем создания общенационального рынка. В результате способность централизованного государства обеспечивать вознаграждение своим верным слугам таяла на глазах.

Коллапс центральной власти — параллельно с коллапсом экономическим и взаимосвязано с ним — происходил и на политическом уровне. Поскольку в числе результатов экономической программы Горбачева было отчуждение не только производителей, работающих на оборонную отрасль, но и тех из производителей, у кого не было свободного доступа ни к одной из новых распределительных сетей, равно как и чиновников, чьи былые полномочия урезались, политическая программа Горбачева оказалась под огнем критики соперников, таких как Борис Ельцин, поднявшийся с поста главы московского комитета партии до положения главы Российской Федерации. Попытки самого Горбачева сдерживать (действуя методом увещаний, предостережений, недомолвок) находившиеся в опасности, но все еще незыблемые военное и разведывательное ведомства оттолкнули от него колеблющихся реформаторов, но не обеспечили ему достаточной поддержки консерваторов. Кроме того, одновременно он стремился сформировать силы немедленного реагирования, которые бы позволили ему беспрепятственно проводить экономические преобразования. Это стало причиной его конфликта с соперниками из числа как реформаторов, так и политических либертарианцев и защитников старого режима. Хотя требование гарантировать религиозную и политическую свободу возникло еще в 1986–1987 гг., именно подъем национальных движений, стремление представителей этих движений поставить себя в оппозицию находящемуся в процессе становления новому режиму разрушило старый режим. Следует помнить об этническом разнообразии населения СССР. Подобно своему предшественнику — царизму, коммунистическое государство проводило в отношении этнических меньшинств амбивалентную политику: политику обеспечения приоритета в среде национальных меньшинств русского языка, представителей русской нации и русификаторов, одновременно предоставляя языковым и культурным меньшинствам официальное признание, привязывая многие из них к особым политическим образованиям и даже ставя «на хозяйство» в этих образованиях тех из лидеров данного меньшинства, кто связал свою судьбу с коммунистами.

Как и в 80-е гг., официальный советский реестр национальностей включал 102 различные категории. Этими категориями ни в коей мере не исчерпывался набор реально существующих на территории страны языковых и культурных традиций. Согласно переписи 1989 г., русскими в составе населения СССР оказалось чуть меньше половины, примерно таким же был национальный состав жителей Российской Федерации.

Сложности были связаны с 5 млн русских, проживавшими за пределами их «родной» республики и, как правило, занимавшими в местах своего проживания руководящие и привилегированные позиции; а также с 5 млн представителей нерусских национальностей, проживавших в Российской Федерации. Подобная разнородность была свойственна почти каждому национальному (на первый взгляд) образованию; крайним случаем являлась такая республика, как Латвия, в которой только 52 % населения считались этническими латышами и, согласно переписи, русские составляли 34 %.

УЖЕ В 1986 г. ТРЕБОВАНИЯ АВТОНОМИИ И ПРОСЬБЫ О ЗАЩИТЕ ПРОЗВУЧАЛИ СО СТОРОНЫ НЕ ТОЛЬКО ЭСТОНЦЕВ, ЛАТВИЙЦЕВ, ЛИТОВЦЕВ И УКРАИНЦЕВ, НО И СО СТОРОНЫ КАЗАХОВ, КРЫМСКИХ ТАТАР, АРМЯН, МОЛДАВАН, УЗБЕКОВ И САМИХ РУССКИХ

Другую крайность представляла еврейская автономная область Биробиджан, расположенная на границе с Китаем, в 800 км внутри материка от Сахалина — здесь проживало только 20 тысяч евреев притом, что общая численность евреев в СССР составляла 1,8 млн человек.

Конечно, официальная статистика давала упрощенную картину ситуации, являвшейся на деле сложной и текучей. Несмотря на то, что по паспортам в стране насчитывалось 102 национальности, миллионы со-

ветских граждан, благодаря бракам и миграции, начинали отождествлять себя более чем с одной национальностью, либо же ни с одной из них, тогда как вне России большинство людей вели многонациональную жизнь, и только в некоторых из республик заметно было преобладание единой этнической идентичности. Тем не менее система давала существенные выгоды региональным лидерам, способным выступать в качестве истинных представителей киргизов, узбеков, эстонцев и любой другой официально признанной национальности. Этническая принадлежность была более существенна в качестве политического факта, а не в качестве реалии повседневности.

Со своими нерусскими регионами российские коммунисты управлялись в классическом стиле непрямого правления: кооптировали в руководство лояльных им местных лидеров, интегрировали их в Коммунистическую партию, подбирали им преемников из числа самых многообещающих представителей данной национальности, прошедших обучение в России; направляли много русских на командные посты в промышленности, на профессиональ-

ные и административные должности; внедряли русский язык и русскую культуру в средства массовой информации и в систему межрегионального общения, предоставляя местным властям на подчиненных им территориях значительную автономию и военную поддержку, но при условии обеспечения ими государственных поставок и новобранцев для армии, и моментально карали любого индивида или группу, призывавшую к освобождению от власти данной системы. Система могла эффективно функционировать лишь при условии получения региональными лидерами мощной поддержки центра, а местные конкуренты данных лидеров лишены были каких бы то ни было средств и не могли рассчитывать на то, чтобы обратиться напрямую к народу.

Сила системы стала фактором, обеспечившим ее падение. Горбачев и поддерживавшие его сторонники гласности одновременно обеспечили начало политической дискуссии, ограничили вмешательство армии в политическое управление, допустили возникновение альтернатив в коммунистических структурах, сделали некоторые шаги в направлении истинно конкурентных выборов — и вместе с тем признали, что возможности вознаграждать своих верных сторонников у них сократились. Как только это произошло, и региональные руководители, и их соперники внезапно ощутили сильное желание дистанцироваться от центра, обеспечить себе поддержку народа, подтвердить собственный статус истинных представителей местностей, сделать приоритетной в подчиняющихся им регионах СССР собственную национальность и потребовать новых форм автономии. Кроме того, для республик Прибалтики, а также тех, что были расположены вдоль западных и южных границ Советского Союза, возможность особых отношений с соседними странами, не входящими в СССР — со Швецией, Финляндией, Турцией, Ираном и даже с Европейским Сообществом — сыграла роль политического рычага и такого источника экономической помощи, которую сам Советский Союз был способен предоставлять все в меньшей степени.

Внутри политических образований, состоящих более чем из одной компактно проживающей национальности, стала обостряться неблагоприятная обстановка для тех, кто проиграл в борьбе за признание в качестве исконного гражданина данной местности. Уехавшие первыми имели лучшие шансы устроиться на новых местах. Ситуация усугублялась: каждая уступка центрального правительства подхлестывала претендентов и служила прецедентом для новых требований со стороны других национальностей, что создавало все большую угрозу для соответствующего населения, если такое причисляло себя к той же национальности, но не готово было к эффективной мобилизации. Уже в 1986 г. требования автономии и просьбы о защите прозвучали со стороны не только эстонцев, латвийцев, литовцев и украинцев, но и со стороны казахов, крымских татар, армян, молдаван, узбеков и самих русских. Внутри таких разнородных по национальному составу регионов, как Нагорный Карабах, ранее являвшийся анклавом Армении в Азербайджане, воинственно настроенные элементы, представлявшие разные проживающие на данной территории национальности, соперничали за приоритетное положение своей национальности и не останавливались

перед убийствами. Кроме Азербайджана, опасное обострение межгрупповых конфликтов имело место в Молдавии, Грузии и Таджикистане. Согласно имеющимся данным, за период между январем 1988 и августом 1989 г. в столкновениях на этнической почве погибло 292 человека, 5520 человек были ранены и 360 тысяч человек осталось без крова. Ситуация напоминала ту, что сложилась с распадом империи в 1918 г.

Выдвинутое Горбачевым в 1990 г. предложение о заключении нового союзного договора, предоставлявшего большие, чем прежде, полномочия пятнадцати республикам, но сохранявшего приоритет федерального правительства в военных, дипломатических и экономических вопросах, на деле лишь подхлестнуло усилия и без того предпринимающиеся каждым потенциальным национальным субъектом в плане упрочения собственной позиции внутри (а может быть и вне) новой системы. Когда в марте 1991 г. Горбачев провел референдум, рассчитывая получить одобрение собственных планов, лидеры шести республик (Латвии, Эстонии, Молдавии, Армении и Грузии, каждая из которых уже начала процесс оформления собственной независимости) бойкотировали референдум, тогда как остальные республики подтвердили существовавшее на тот момент деление рушащейся федерации на Россию и нерусскую часть.

Перед лицом этнического распада, экономического краха и подрыва могущества прежнего режима, многие наблюдатели и действующие лица советского политического истеблишмента опасались, что военное, разведывательное и партийное ведомства возьмут на себя задачу поворота вспять наметившегося хода событий. Так и случилось. Критический момент настал в августе 1991 г., когда во время летнего отдыха Горбачева в Крыму, как раз накануне подписания им нового союзного договора девяти республик, все еще сотрудничавших с централизованным государством, поддерживаемая именно этими ведомствами хунта заточила Горбачева в его крымской резиденции. Заговорщики, представлявшие именно военных, разведку и полицию, заявили о том, что власть захвачена теневым Чрезвычайным Комитетом. Удержать в своих руках контроль над государством — при том состоянии, в котором это последнее находилось — им удалось в течение всего лишь трех дней.

Во время неудачно закончившегося путча, президент Российской Федерации Борис Ельцин бравировал армейскими танками и выступал перед толпами народа в Москве, призывая организовать всеобщую забастовку, направленную против Чрезвычайного Комитета. Несколько войсковых соединений перешли на сторону Ельцина, организовав линию обороны вокруг здания президиума Российской Федерации. Переход войск на сторону оппозиции и утроенная оборона лишили хунту решимости. Попытка переворота провалилась безо всяких вооруженных столкновений. Люди, державшие Горбачева взаперти, выпустили его на свободу.

По возвращении в Москву Горбачев столкнулся с волной требований ускорить реформы, с новыми попытками организованных национальностей выйти из Союза и с усилившейся конкуренцией со стороны Ельцина и своих

оппонентов в других республиках, а также с полным коллапсом власти Кремля. Уйдя в отставку с поста главы партии, Горбачев отменил деятельность партии на всей территории СССР. На протяжении четырех последующих месяцев Ельцин стремился заменить Горбачева – но не на посту партийного секретаря, а на посту главы конфедерации, сохраняя за собой определенную долю экономической, военной и дипломатической власти. Но и эта попытка закончилась распадом Советского Союза и образованием на его месте аморфного и охваченного распрями Содружества, от которого полностью обособились государства Прибалтики, в то время как остальные начали лихорадочно искать пути выхода из Содружества.

Между 1986 и 1992 г. Россия и ее соседи стали местом осуществления одной из самых своеобразных европейских революций: крушение империи и развал ее центральных структур произошел без прямого военного воздействия. Бургундская, Испанская, Османская, Австро-Венгерская и даже Российская империи – все они распались и раньше, но это всегда было непосредственным исходом сражения с внешней или внутренней силой. Более всего походила на причиненный войной распад прежних империй дорого обошедшая Советскому Союзу тупиковая ситуация, в которую попала афганская операция, сама по себе явившаяся порождением чрезвычайно дорогостоящей холодной войны с Соединенными Штатами. Демонстрируемая на весь мир картина того, как Соединенные Штаты, бомбя в 1991 г. Ирак, используют пушки, но не отказываются при этом ни от масла, ни от открытых политических дискуссий, усилило и без того широко распространенное представление о недееспособности советского государства – точно так же, как перспектива экспансии процветающего Европейского Союза увеличила привлекательность выхода из Советского Союза для тех его частей, у которых имелось хоть что-нибудь из того, что можно было продать на Запад. Отличительные черты русских революций 1986–1992 гг., как и всех тех происходивших в Европе с 1492 г. революций, обзор которых мы дали выше, в конечном счете определялись конструктивными особенностями советского государства.

В отличие от революционных ситуаций, складывавшихся в России и в соседних с нею государствах на временном отрезке с 1550 г. и до наполеоновских войн с частотой раз в десять лет (династической, патрон-клиентской и коммунистической), в отличие от революций, осуществленных классовыми коалициями, революций, охвативших Российскую империю в 1905 и 1917–1921 гг., революционные ситуации эпохи Горбачева были ближе всего к национальным революциям. Национальные революции – как по характеру революционной ситуации, так и по ее исходу – после 1815 г. стали в Европе преобладающей формой и по сей день время их еще не миновало. Если политик заявляет о том, что он или она является представителем сплоченного, исторически известного народа, с которым несправедливо обращается нынешнее государство (отчего данный народ заслуживает права на собственную государственность), то подобные заявления способны, как никакие другие, получить признание и поддержку от посторонних. Подобные заяв-

ления делали не только лидеры нерусских республик, но и сам глава России Борис Ельцин заявлял то же самое о коммунистической партии и созданных ею карательных органах.

Различие же между опытом самой России и тем, которым обладают заурядные национальные революции, заключается в двух моментах: во-первых, в Советском Союзе революционная ситуация явилась прямым следствием попыток самореформирования центральной власти и изменения ее статуса на международной арене; во-вторых, противостояние рядовых граждан и номенклатуры приобрело некоторые черты классовой войны. Однако относительно того факта, что русская революция 1986–1991 гг. представляла собой классовую борьбу рабочих с привилегированными чиновниками, мы вынуждены заключить, что здесь, так же как и в 1992 г., победа досталась контрреволюции. Ибо повсеместно на территории бывшего Советского Союза те самые чиновники, которые при старом режиме получили свои полномочия из рук коммунистической партии, теперь либо продолжают обладать этими полномочиями от имени национального суверенитета, либо использовали имеющиеся у них навыки, связи и доступ к товарам для того, чтобы начать карьеру предпринимателей. Революция в России еще не завершилась.

Перевод с английского Ирины Мюрберг